

ВАДИМ ПАНОВ

КОГДА БУДУЩЕЕ СТАНОВИТСЯ НАСТОЯЩИМ

ПАНДЕМИЯ

АРКАДА: ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

kamataYan

Аркада

Вадим Панов

Пандемия. Аркада. Эпизод первый

«Панов Вадим»

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Пандемия. Аркада. Эпизод первый / В. Ю. Панов — «Панов
Вадим», «Эксмо», 2019 — (Аркада)

ISBN 978-5-04-101138-3

Нет, это не фантастика. Искусственные продукты, ДНК-модифицированные вирусы, очки дополненной реальности, поголовное внедрение чипов, безошибочно идентифицирующих каждого жителя Земли – мы знакомы с этими технологиями, называем их достижениями и не задумываемся над тем, как они могут быть использованы. Потому что страшно задумываться над тем, что технологии не только делают нашу жизнь комфортнее и лучше, но и убивают. «kamataYan» – это не роман-предупреждение, а проза завтрашнего дня. Головокружительный триллер о борьбе за власть, свободе и любви. О том, что ожидает наш мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101138-3

© Панов В. Ю., 2019
© Панов Вадим, 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

data set primus	9
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вадим Панов

Пандемия. Аркада. Эпизод первый

© Панов В. Ю., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Все персонажи вымышленные, любые совпадения с реальными людьми и любыми событиями, имевшими место в действительности, являются случайными.

Мало кто знает вкус настоящего мяса.

То есть вам кажется, что вы знаете. Что способны с завязанными глазами отличить аргентинскую говядину от американской, а европейскую от австралийской. Вы отрезаете кусочек стейка, внимательно его разглядываете, удерживая на физиономии самодовольное выражение «старого знатока натуральной кухни», тщательно прожевываете, запиваете красным вином и улыбаетесь: «Идеально». Или небрежно замечаете: «Согласитесь, друзья, что австралийский рибай кроет аргентинский, как бык овцу?» И посмеиваетесь. А друзья – такие же снобы – хихикают в ответ. Или заводят спор, отстаивая «любимых» производителей. И вы с друзьями убеждены, что стейк выращен в естественных условиях, на зеленых пастбищах, что будущее мясо питается исключительно зерном, вы верите рекламе, потому что... потому что хотите верить, что чистенькие, только что из душа коровы, радостно мычащие на горном луку в такт занимательному джунглу, – действительно те самые животные, из которых вам выдрали стейк с кровью. Вы хотите верить рекламе и гоните прочь мысль о том, что ваше мясо никогда не видело солнца, а зародилось и подошло на фабрике, в куче других мычащих тел, жадно глотающих питательную смесь, бесперебойно льющуюся в поилку. Но это – в лучшем случае. А в худшем – вам продадут протеиновый мусор, химически соединенный в цельный, условно съедобный кусок.

Бифштекс, стейк, окорок – всего лишь красивые названия. Раньше я никогда не задумывался над тем, что ем, а потом оказался на лососевой ферме... Не по своей воле, если вам интересно, – я бежал. Спасался. Идущие по следу охотники пугали меня, неопытного и мало что понимающего, я задыхался от гонки, ставкой в которой была моя жизнь, и с радостью принял предложение друзей укрыться на одной из бесчисленных лососевых ферм Северного моря. Посреди пустого океана.

Пустого – в буквальном смысле.

Ведь мы его сожрали.

Промышленный лов давно стал мифом – он себя не окупает. Рыбы так мало, что не хватает даже хищникам, и все подходящие участки расчерчены шахматными досками ферм, где из патентованных мальков корпорации «Aqua Enterprise» в «естественных условиях» выращивают «полноценную рыбу», с использованием патентованных препаратов питания и ускоренного роста корпорации «Aqua Enterprise»...

Когда я увидел бурлящую по поверхности воды массу толстых рыбьих спин, я улыбнулся. Наверное, это естественно: ведь я впервые оказался на ферме и не понимал, что вижу. Нас, группу только что прибывших работяг, вели по металлическому ходу вдоль бесконечных садков с лососем, я вертел головой, разглядывая то океан, то ферму, и улыбался. Нас было трое таких – новичков рыбного производства, и мы все улыбались. Понимали, конечно, что подпи-

сались на собачью работу, но все равно улыбались. Потом переоделись, невнимательно выслушали быструю лекцию о том, чем предстоит заниматься, познакомились с инструкторами и отправились учиться нелегкому делу разделки лососевых туш.

Большая часть операций на ферме автоматизирована, эти участки контролируют операторы-наладчики, однако некоторые работы дешевле выполнять по старинке, нанимая низкоквалифицированных гастарбайтеров, и мои друзья решили, что среди этих работяг я найду идеальное укрытие, потому что в таком дерьме охотники меня искать точно не станут.

Забегая вперед, скажу, что друзья оказались правы: морские фермы преследователи не прочесывали, они и представить не могли, что я добровольно соглашусь отправиться в такую дыру.

Но я очень хотел жить.

И, честно говоря, не знал, что меня ожидает.

Мы занимались первичной разделкой туш. То есть именно первичной: из садков лосось скатывался на металлические столы, и мы кромсали его в строгом соответствии со схемой разделки. Вот тогда я и насмотрелся на чудовищные мутации, которым подвергается рыба под действием «патентованных и безопасных» препаратов корпорации «Aqua Enterprise». Я видел лососей, похожих на змею и на раздутый шар. Покрытых язвами и гниющими заживо. Видел «драконов» – лососей-каннибалов, обладателей ужасных зубов, и двухголовых «близнецов», в два горла кормящих единственное тело. Я видел все возможные мерзости, порожденные скученностью, химией и безумным воспроизводством, и ужасался им. Через пять минут работы меня стошнило в емкость с потрохами – от запаха и того, что я увидел, – но всем было плевать, хотя потроха отправлялись на переработку вместе с отрезанными головами «близнецов» и «драконов», «змеями» и отравленными «шарами» – все измельчалось, перетиралось и превращалось в муку, основу патентованных препаратов «Aqua Enterprise» для лосося из других садков.

Никаких отходов.

Ферма должна приносить прибыль.

Меня мучило от жуткой вони и вида омерзительных мутантов, но я был в безопасности и потому заставлял себя работать – за шесть с половиной кредитов в час. Хотя мог купить эту поганую ферму и все окрестные. Вместо этого я стоял у металлического стола, в чужом резиновом комбинезоне, по колено в зловонной жиже, и распиливал туши.

Напомню: я очень хотел жить.

С трудом дотянув до обеда – меня стошнило еще два раза, – я выскочил из разделочного цеха и долго, с огромным, никогда не испытанным ранее наслаждением, дышал морским воздухом. Дышал глубоко, полной грудью, чтобы выдохнуть, выдавить из себя проникающую внутрь мерзость. Потом гулял вдоль садков – теперь я смотрел на мокрые спины без улыбки и совсем другими глазами, – а вернувшись, застал у дверей цеха инструктора.

– Поешь, – предложил он, покуривая и глядя в сторону далекого берега.

– Не могу. Может, вечером.

– Дотянешь?

– Дотяну.

– Тогда вечером.

На этом разговор должен был закончиться, как и наш короткий перерыв на обед, но я не удержался от вопроса:

– Почему они такие?

Объяснять, кто «они» и что значит «такие», не требовалось: инструктор прекрасно меня понял. И явно ждал вопроса, потому что, услышав его, поморщился и кивнул на ближайший садок:

– Попробуй вырасти в этом дерьме, и посмотрим, как ты будешь выглядеть.

Ответ оказался настолько очевидным, что я не сумел скрыть разочарования:

– Проблема в скученности?

– Не только, – поразмыслив, продолжил инструктор. – Когда морские фермы только появлялись, лососей кормили специально выловленной рыбешкой. Но год от года ее становилось все меньше, и фермы перешли на корма «Aqua Enterprise». Из чего их делают, нам не рассказывают, но мутаций стало намного больше. Ты еще увидишь такое, что спать не сможешь.

– Зачем кормить рыбу дрянью?

– Затем, что океан пуст, – пожал плечами мой собеседник.

– Совсем?

– Почти.

– Но ведь это страшно, – прошептал я.

– Нет, друг мой, гораздо страшнее другое...

– Что? – В следующий миг я подумал, что зря задал вопрос, но потом взял себя в руки и повторил: – Что?

Потому что действительно захотел разобраться.

Я бежал – да, я прятался – да, но еще я познавал мир, открывая его с совершенно новых, до сих пор не известных мне сторон, и потому подтвердил, что хочу слышать ответ.

Он подошел к перилам ближайшего садка, бросил в воду окурок и негромко предложил:

– Назови возраст этой рыбы.

– Представить не могу, – ответил я, разглядывая крупные туши. – Полгода? Год?

Тогда я ничего не знал о лососе, даже сколько он живет.

– Размер рыбы в садке соответствует возрасту трех лет, – ровным голосом сообщил инструктор. – Но ей всего месяц.

– Один месяц?!

– Да.

И я мысленно согласился: это действительно страшно. Сколько химии, гормонов и генетических стимуляторов нужно вкачать в каждую тушу, чтобы она прошла столь долгий путь за один-единственный месяц? Чем ее нужно пичкать?

– И все благодаря препаратам? – сглотнув, спросил я.

– Их два: ускоритель роста и питательная смесь, – ответил мой собеседник, не сводя взгляд с плещущихся в садке рыб. – Но что в них содержится, мы не знаем... никто не знает, кроме «Aqua Enterprise». А еще никто не знает, как они выводят своих мальков и каким генетическим преобразованиям подвергают. Мы видим результат: оборот садка ускорился до одного месяца, что очень хорошо для бизнеса.

Чуть позже я узнал, что рынок морских ферм крепко держат три корпорации: «Aqua Enterprise», «Poseidon Ltd.» и «SH». И все они контролируются одним инвестиционным фондом. То есть ускорители и смеси скорее всего абсолютно одинаковы. Что тоже хорошо для бизнеса, поскольку позволяет сэкономить на разработке.

– Но ведь препараты попадают в океан!

– Верно, – подтвердил мой собеседник.

Просачиваются, постепенно наполняя его бесконечные воды выдуманной людьми дрянью.

– И всем плевать? – У меня непроизвольно сжались кулаки. – Ради прибыли они готовы на все?

– Морские фермы – один из ценнейших источников продовольствия, – ответил инструктор. – Их нельзя остановить, от них нельзя отказаться, а самое главное – они не могут работать с низкой эффективностью. Людям нужна еда, а без химии и генетических препаратов мы не в состоянии обеспечить себя продуктами. Так что не только ради прибыли...

И я сообразил:

– Ты сказал, что океан пуст?

– Так и есть.

– Почему же никто не задумался над тем, чтобы распылить над ним ускоритель роста?

– Есть ощущение, что уже задумались.

И от его ответа по моей спине побежали мурашки.

Мы опаздывали на работу, но инструктора, кажется, это не беспокоило. Он закурил еще одну сигарету, и некоторое время мы молча смотрели на бесконечные ряды садков, в которых плескалась похожая на настоящую рыба. Наблюдали за автоматическими дозаторами, которые беспрестанно сновали по направляющим, высыпая в садки патентованную смесь от «Aqua Enterprise», и смотрели на воду вокруг фермы, которая давным-давно потеряла цвет морской волны.

А когда он докурил, я задал последний вопрос:

– Что происходит?

И мой собеседник ответил предельно доходчиво:

– Мы катимся в ад.

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

data set primus BLITZED¹

RBC: «В настоящее время расположенный неподалеку от Тбилиси Центр общественного здоровья полностью блокирован частями специального назначения джорджианской армии, объявлена тотальная эвакуация местных жителей. По непроверенным данным, военные уничтожают домашний скот и птицу. Тем не менее научный руководитель Центра доктор Дастин Чемберлен уже заявил, что оснований для беспокойства нет и тревога вызвана случайным сбоем в системе оповещения о чрезвычайных ситуациях, в результате чего было решено провести внеплановые учения...»

RT: «GS полностью засекретила информацию из Центра Лугара в Джорджии. Лабораторный комплекс блокирован, сотрудники помещены в карантин, а на территории развернут полевой лагерь WHO², охрану которого осуществляют офицеры специального подразделения GS. Единственное официальное объяснение, прозвучавшее за истекшие сутки: внеплановые учения по предотвращению чрезвычайной ситуации. Однако наблюдатели предполагают, что в Центре Лугара действительно произошла утечка опасных биологических материалов...»

LeikaLook: «Будем откровенны: правду нам не скажут. Может, в Центре Лугара и в самом деле произошла катастрофа, может, они, как и заявили, решили проверить систему безопасности, но я рад, что опасные биологические лаборатории размещаются не в той Джорджии, которая нам близка, а на краю света...»

* * *

Berlin, Stuttgarter Platz (Charlottenburg-Wilmersdorf)

Существуют тысячи примеров того, как благополучные и респектабельные районы превращались в переполненные наркотой и насилием трущобы, но нужно крепко постараться, чтобы вспомнить обратную историю. Преступность – это рак: схватывает намертво, пуская метастазы повсюду, куда может дотянуться, а уходит в редчайших случаях, уходит тяжело и неохотно, не желая отдавать загубленное и норовя вернуться. Но чудеса случаются, и Штутгартская площадь, испортившаяся в самом начале XXI века и долго считавшаяся местом крайне опасным, лишь условно находящимся под властью закона, вновь стала обретать репутацию относительно нормального района.

Раньше местные обитатели хорошо умели обманывать полицию и скрывать свои делишки от патрулей и многочисленных видеокamer. А иногда не скрывали, крушили автомобили и грабили неосмотрительных прохожих прямо перед равнодушными объективами и даже на виду у патрульных дронов – в то время они имели право лишь вести наблюдение и фиксировать подозреваемых. В те годы обитатели Штутгартской площади действовали нагло, демонстрируя, что власть – это сила, и никак иначе.

Но ситуация изменилась.

Нет, власть – это по-прежнему сила, и никак иначе, но Берлин, как и все крупные города, оказался застроен гигантскими, напоминающими изъеденные червями скалы, MRB³, и благодаря им Шарлоттенбург стал напоминать если не благополучный район, то старающийся таковым выглядеть: бетонные громады, линии метро, не сильно разбитые дороги и редкие зеленые

¹ Под действием наркотиков (*sleng.*).

² World Health Organization.

³ Multipurpose Residential Building.

островки малюсеньких парков. Здесь перестали убивать средь бела дня, во всяком случае на виду у всех, из повадок жителей исчезла настороженность, и стали редкостью разбитые окна и витрины. Шарлоттенбург вырвался из бездны, вернулся в мир среднего класса, но следы некрасивого прошлого нет-нет да показывались. Они были хорошо видны опытному глазу, особенно на местном рынке, где Карифа молниеносно вычислила дилеров и даже определила, что именно они поставляют.

Справа от кальянной торговал длинный и очень худой Баскетболист – так окрестила его про себя агент Амин. Судя по цвету кожи, мулат во втором поколении, улыбчивый балабол, отпускающий клиентам не только товар, но и шутки. К нему спешили подростки – игроки, закидывающиеся расширяющим сознание «лепестком». Под маркизой мясной лавки прятался Сапожник – толстый араб, расположившийся в раритетном кресле уличного чистильщика обуви. Сапожник без умолку болтал по телефону и продавал модные «синтетика» для вейпов – его клиенты в обязательном порядке изучали распечатанное на картонке меню, иногда спорили между собой, иногда обращались за советом и делали заказ лишь после долгих раздумий. Тяжелыми наркотиками торговали в глубине рынка, Карифа видела бредущих туда торчков, но проследить конечную точку их маршрута не смогла. Да и не особенно стремилась, если честно, поскольку ее отряд прибыл сюда не в рейд, а за информацией, и агент не собиралась привлекать к себе внимание. Особенно – внимание жилистых ребят в полубронированном пикапе на мощном бензиновом двигателе, зорко следящих за соблюдением порядка: Шарлоттенбург контролировала сомалийская MS⁴ «Sons of Darod», связываться с которой не рисковали даже лютые бедуины из Шпандау.

К счастью, пикап стоял далеко от переулка, в котором остановилась Карифа, и сомалийцы то ли не заметили, то ли поленились проверить трех миролюбивых мотоциклистов. Один из которых, к тому же, успел добежать до ближайшего ларька и купить кебаб навынос.

– Почему эта улица называется площадью? – неожиданно спросила Рейган – плотная красноволосая девица, трижды сломанный нос которой не смогли выправить даже лучшие пластические хирурги GS.

Рейган предпочитала свободную одежду: брюки-карго, мягкие ботинки, футболку и короткую куртку, под которой пряталось оружие. Не простую куртку, как могло показаться несведущему человеку, а тактическую, с защитными вставками, ловко замаскированными под декоративные, – это «украшение» не пробивали ни нож, ни подавляющее большинство боеприпасов. Рейган легко могла сойти и за члена незаконной уличной банды, и за сотрудника законного MS, что было идеально для агента под прикрытием.

– Почему площадь?

– Это историческое название, – произнес Филип Паркер, оператор, обеспечивающий техническое сопровождение группы. Он много читал, и агенты считали его всезнайкой.

Паркер пребывал в штаб-квартире GS и присутствовал в разговоре незримо, в качестве голоса из вживленного в среднее ухо динамика, но благодаря дронам и бесчисленным камерам видел происходящее едва ли не лучше агентов.

– Я хочу знать, откуда взялось название, – упрямо продолжила Рейган.

– Какая тебе разница: улица или площадь? – ворчливо поинтересовался Захар, дожевывая резко пахнущий кебаб. Продавец положил слишком много соуса, и, откусывая его, русский тихонько ругался, опасаясь испачкать мотоцикл или штаны.

– Стало интересно.

– Что стало интересно?

– Почему улицу назвали площадью, – терпеливо объяснила Рейган.

– Какая разница? – повторил удивленный Захар.

⁴ MS – Munichal Security, частная охранный служба.

- Улица длинная, а площадь – большая.
- И что?
- Они не похожи.
- А должны?

Несколько секунд Рейган внимательно смотрела партнеру в глаза, в смысле – в smartverge, поскольку Захар предпочитал зеркальные стекла, после чего уточнила:

- Тебя когда последний раз называли идиотом?
- Живые люди? – уточнил русский.
- Почему спрашиваешь?
- Потому что последний человек, который так меня назвал, почти сразу стал мертвым.
- Поскользнулся и упал с крыши?
- Нет, мы были в баре.
- Подавился чем-то?
- Проглотил бутылку.
- Да ты настоящий фокусник.

Карифа заметила, что Захар начал злиться, и лениво предложила:

- Поговорите о чем-нибудь другом.
- О чем?
- О чем угодно, только без драки.

Захар хмыкнул, доел кебаб и отнес грязные салфетки в воняющий неподалеку мусорный бак, чем четко дал понять, что не является местным жителем, предпочитающим бросать обертки и объедки под ноги.

Захар был настоящим, совсем как в кино, рыцарем: высоким, крепким, мускулистым и красивым естественной мужественной красотой, заставляющей учащенно биться романтические сердца. С такими данными он должен был стать или актером, или альфонсом, но чудеса случаются не только с преображением районов, и прелестный юноша оказался в армии, а затем – в GS, проявил себя великолепным полевым агентом и перевелся в спецназ Оперативного управления. Его единственным недостатком была вспыльчивость, но Захар умел сдерживать эмоции, и короткого замечания Карифы оказалось достаточно, чтобы он взял себя в руки.

Рейган тоже замолчала, но после недлинной паузы неожиданно спросила:

- Вас не раздражают улыбки? – и кивнула на толпу.

Захар и Карифа дружно повернули головы, пытаясь понять, что именно привлекло внимание Рейган, после чего синхронно ответили:

- Нет.
- Люди как люди.
- Все улыбаются, – добавил Паркер.
- Они постоянно улыбаются, – уточнила красноволосая, стараясь, чтобы голос звучал ровно.
- И что? – не поняла Карифа.
- Достали.
- Забей, – предложил Захар.
- Давно забила.
- Тогда почему завела разговор? – спросил Филип.
- Сильно достали, – Рейган сплюнула.
- Ты прекрасно знаешь, почему они улыбаются, – пожалала плечами Карифа.
- И поэтому я должна быть к ним добрее?
- Понять и простить, – хохотнул Захар. – Им приходится казаться счастливыми.

Потому что глобальная программа слежения считала мрачные выражения лиц подозрительными, начинала «вести» их, передавая от одной видеокамеры к другой, и если на изму-

ченном лице менеджера или домохозяйки слишком долго не появлялось улыбки, сообщала об отсутствии «счастливого настроения» в правоохранительное подразделение. Мрачного гражданина проверял ближайший патруль, и если причины для грусти «несчастливчика» признавались ничтожными, его вносили в список потенциально неблагонадежных, вырваться из которого было практически невозможно.

Отсутствие на лице ярко выраженных признаков счастья могло вылиться в серьезные проблемы, поэтому люди заставляли себя улыбаться, демонстрируя счастливому обществу funny.

– Может, они улыбаются изображению в smartverre? – предположила Карифа.

– А это мысль, – округлил глаза русский. – Поставить смешную прогу, например, преобразовывать всех встречаемых в пупсов...

– Им это не нужно, – отрезала красноволосая. – Большая часть сограждан – идиоты.

– Ты не любишь людей, – поразмыслив, произнес Паркер.

– Я их защищаю, – напомнила Рейган, машинально потрогав себя за кривой нос.

– Это работа.

– Я не обязана любить работу.

– Об этом я и говорю.

Карифа тихонько рассмеялась.

– А кто любит работу? – перешла в атаку покрасневшая Рейган. – Паркер?

– Я должен быть счастливым в целом, а не потому что меня плющит от того, чем я зарабатываю на жизнь.

– Захар?

– Людей никто не любит, – пожал плечами русский.

– Почему?

– Потому что их очень много.

– Нас, – со вздохом поправила подчиненного Карифа. – Нас...

– Да, – подумав, согласился русский. – Нас.

И отвернулся.

Командир группы специальный агент Карифа Амин отличалась от Рейган и Захара не только тем, что была мулаткой: и в ее взгляде, и в манере поведения – даже сейчас, когда она просто болтала, – чувствовалась привычка командовать. И оценивать. Агент Амин при всем желании не могла сойти за простого исполнителя.

Прямые черные волосы Карифы были подстрижены в короткое, не закрывающее шею каре. Лицо удлиненное, его форма, а также выпуклый лоб и большие карие глаза явно достались от белой матери, а вот приплюснутый нос и полные, чуть вывернутые губы – от отца. Фигура спортивная, не мощная, как у Рейган, но если кто-то по глупости принимал Карифу за слабую женщину, его ждал большой сюрприз: хватка у агента Амин была железной, а удары – крепкими.

Отряд Амин считался лучшим подразделением специального назначения при Оперативном отделе центрального офиса GS, вел расследования по всему миру и почти всегда работал под прикрытием. Уровень секретности наивысший: ААА. Спецназ Оперативного отдела находился в личном подчинении директора службы и занимался крупной рыбой – лидерами преступных синдикатов, террористами и работоторговцами. А если называть вещи своими именами, объектами расследования Карифы становились те, до кого система не могла добраться законными методами, а решить проблему было необходимо. Тогда директор GS Митчелл вызывал специального агента Амин в кабинет и отдавал устный приказ...

– Людей много, ну и что? – продолжил разговор Захар.

– И с каждым днем становится больше, – угрюмо объяснила Рейган.

– И что?

- Планета слишком маленькая.
 - Боишься задеть кого-нибудь локтем?
- Красноволосая обиженно засопела.

– Мы победили голод и болезни, мы ухитряемся помещаться на Земле, и наши ученые не зря едят свой хлеб – они решат любую проблему, которая встанет перед цивилизацией, – убежденно произнесла Амин.

- Все верно, – подтвердил русский.
- Тогда в чем проблема?

Карифа была не против продолжить обсуждение – ей не понравилось странное настроение Рейган, – но Захар вдруг сказал:

- У меня помехи.

И Амин мгновенно выкинула разговор из головы и машинальным движением поправила smartverre.

Операция началась.

Как и у всех сотрудников GS, smartverre агентов Карифы оснащались намного более мощными процессорами, чем стандартные устройства, и работали не только явно, определяя себя в сети согласно действующей легенде, но и под особым протоколом службы, обеспечивающим широкий доступ к скрытой от обычных пользователей информации. При желании офицеры GS могли подключаться к местным видеокамерам, любым муниципальным дронам, включая полицейские, имели постоянный доступ к глобальной базе данных и обладали целым рядом дополнительных привилегий. И, разумеется, не могли не заметить заработавший неподалеку генератор искажения информационных откликов – робота, который не глушил следящие протоколы, а вносил в них направленные помехи. Использование искажителя считалось грубым способом скрыть свое присутствие – слишком явным, но для Шарлоттенбурга ничего другого не требовалось: агенты GS сюда заглядывали редко, только по важным делам, а оснащение «Sons of Dagod» оказалось примитивным и сидящие в пикапе боевики не засекали шумного робота.

- Я его вижу, – тихо сказала Рейган.
- Все видят, – ворчливо отозвался Захар.
- Говорит Амин, – произнесла Карифа. – Объявляю начало операции. Код 1993.

Последняя фраза предназначалась для Паркера и оператора группы прикрытия – пяти боевых дронов, нарезающих круги высоко над городом. Именно боевых – помимо следящей аппаратуры, дроны GS оснащались тяжелыми пулеметами, самонаводящимися ракетами и применяли оружие без колебаний.

- Код 1993 принят, – отозвался оператор. – Удачи, агент.
- Спасибо.

Карифа слезла с мотоцикла, перешла на другую сторону переулка, остановилась, пропуская неспешно ползущий по мостовой уборочный комбайн, и быстро юркнула в распахнувшийся со стороны тротуара люк мусорного бункера, оказавшись внутри двухместного броневика, хитроумно замаскированного под муниципального робота. Хозяина машины звали Ли Хаожень, и он сидел в кресле слева.

- Привет.
- Привет.

Видеокамеры броневика внимательно оглядывали переулок, и, судя по спокойным лицам прохожих, никто из них не заметил маневра агента Амин.

– Ты по-прежнему один? – поинтересовалась Карифа, удобнее располагаясь во втором кресле.

- Недолюбливаю людей, – объяснил китаец.
- Мы только что об этом говорили с коллегами.

– Обо мне?

– Об отношении к людям.

– Неужели вы на меня похожи? – с отлично сыгранным изумлением осведомился Хаожень.

– Один из нас, – сама не зная зачем, уточнила Карифа.

И одновременно призналась себе, что поднятая Рейган тема ее задела.

– Достали? – понимающе уточнил Ли.

– Раздражают фальшивые улыбки.

– Не думали сменить алгоритм программы слежения?

– Считается, что она хорошо работает.

– Тогда лучше не трогать. – Хаожень кивнул на мониторы обзорных видеокамер. – Я людей вижу не часто, но меня от них тошнит. С роботами проще.

– Особенно с сетевыми, – не удержалась от язвительного укола Амин. – С какими-нибудь устаревшими искажителями.

– Я хотел дать знать, что нахожусь рядом, вот и запустил эту программу, – рассмеялся Ли. – Решил не звонить.

– Нахал.

– А то ты не знала.

Таких, как Хаожень, называли «мушкетерами». Почему? Как обычно, благодаря тому, с кого все началось. Основатель профессии был известен в сети под ником Мушкетер, сумел заявить о себе на весь мир, и кличка приклеилась ко всем последователям. К специалистам, которые взламывали и программировали 3D принтеры. Не дешевые модели, предназначенные для производства простейших деталей, а высокоточные и высокопроизводительные машины, сравнимые со средним конвейерным производством. И если кто-то думает, что это легкое занятие, пусть сам попробует пройти защиту профессионального агрегата, находящегося под постоянным сетевым надзором специального департамента GS. Хаожень мог, все мушкетеры могли, и благодаря им обладатели 3D принтеров обретали возможность печатать на них любые запрещенные устройства. В первую очередь – оружие.

Современные мушкетеры не стреляли сами, а помогали стрелять желающим, создавая для клиентов законченную программу производства любого изделия, и их труд ценился очень высоко. Но была у медали и обратная сторона: все преступные сообщества мечтали заполучить опытного мушкетера в рабство, и потому специалистам приходилось вести себя предельно осторожно. Ли редко покидал убежище, перемещался только в броневиках и подпускал к себе лишь доверенных людей. С Карифой Хаожень познакомился пару лет назад, когда Амин накрыла его лабораторию в Лиссабоне, и в обмен на свободу Ли согласился снабжать GS ценной информацией с самых верхов преступного мира.

– Как дела?

– Процветаю, – не стал скрывать китаец. – Заказов столько, что подумываю приобрести в собственность небольшой остров.

– Не забыл, с кем говоришь? – притворно удивилась Карифа.

– А перед кем еще хвастаться? – развел руками Ли. – Только ты понимаешь истинную глубину моего ответа.

Спорить Амин не стала, поскольку китаец был прав. Помолчала и переспросила:

– Много заказов?

– Очень.

– Где?

– Заявки поступают из всех мегаполисов мира, причем заявки явно превышают разумные потребности кланов, – перешел на деловой тон Хаожень. – Все словно с ума посходили и хотят производить оружие в таких количествах, будто готовятся к Третьей мировой.

А это означало одно: возможно, назревает Третья мировая, поскольку трудно представить, что преступные синдикаты планеты одновременно собрались затеять передел сфер влияния.

– Все ждут чего-то плохого, – подытожил Ли.

– Чего?

– Не знаю.

– Врешь.

– Жаль, что ты сомневаешься в моей искренности, – расстроено сказал Хаожень и напомнил: – А ведь это я предложил встретиться.

– Чтобы похвастаться большим количеством заказов?

Карифа понимала, что Ли позвал ее для действительно серьезного разговора, но предложение китайца превзошло ее ожидания.

– Я сдам тебе человека, который знает или догадывается, что происходит, – медленно ответил мушкетер, глядя молодой женщине в глаза. – Я сдам тебе одного из больших боссов, одного из тех, которые сейчас тщательно скрываются.

– Кого? – нарочито равнодушно поинтересовалась Амин.

– Сечеле Дога.

– Француз по кличке Крокодил? – прищурилась Карифа.

– Да, – кивнул Хаожень. – Сечеле хочет прикупить огромную партию готового оружия, но его обычные поставщики выжаты досуха. Сечеле вышел на рынок, и я помогу тебе стать продавцом.

На этих словах Карифа с трудом сдержала радостное восклицание: взять с поличным столь крупную рыбу и в обычное время считалось большой удачей, а теперь, когда планета тревожно сопела, готовясь к чему-то страшному, предложение Ли тянуло на полноценный джек-пот. Однако прежде следовало прояснить важный вопрос.

– Если ты сделаешь меня продавцом, то через час после ареста Крокодила все узнают, что ты – осведомитель GS, – произнесла Амин. – А еще через двадцать минут тебя выпотрошат.

– Сказав, что сделаю тебя продавцом, я вовсе не имел в виду, что лично организую встречу, – тонко улыбнулся мушкетер. – Я не собираюсь подставляться.

– Тогда все в порядке, – серьезно сказала Карифа. – Сечеле точно приедет на сделку?

– Он покупает так много оружия, что обязательно высунется из норы, – пообещал Хаожень. – Ты его возьмешь, и в твоих ласковых руках он запоет, как соловей.

Как когда-то запел сам Ли.

Впрочем, как вскоре после их знакомства поняла Амин, мушкетер не считал себя частью преступного мира, к уголовникам относился с еще большим презрением, чем агенты GS, и не видел в своем решении стать осведомителем ничего дурного: раз ему все равно приходится прятаться от бандитов, то почему не зарабатывать на них больше?

Предложение Амин устроило, и до завершения сделки оставался всего один вопрос.

– Что взамен? – прохладно осведомилась Карифа.

– Золото, – пожал плечами Ли.

– В смысле – кредиты?

– Нет, кредиты меня больше не интересуют, – китаец вежливо улыбнулся. – Только золото: в монетах или слитках.

* * *

Moscow, Strogino

В начале XX века небоскребы казались чудом. Люди специально приезжали в Нью-Йорк и Чикаго, чтобы посмотреть на рукотворные горы, прикоснуться и убедиться, что они насто-

ящие, чтобы подняться на обзорную площадку, вскрикнуть от страха, а потом рассмеяться, восторженно вертя головой, и окончательно поверить в величие человеческого разума. Когда-то давно небоскребы действительно доставали до неба – в воображении людей.

Потом небо стало ниже.

И высоченные дома стали восприниматься как предмет хвастовства, наглядно демонстрируя мощь и богатство своих хозяев, соревнующихся в увлекательной игре «У кого выше». А к 2029 году от былой романтики не осталось и следа, и небоскребы превратились в основные и весьма заурядные городские строения, поскольку только в них можно было разместить неимоверно возросшее число землян. Только гигантские, километровые MRB насчитывали 50 – 100 тысяч жителей, многие из которых годами не выходили на улицу. Да и зачем? В огромных строениях из стекла и стали размещались магазины и развлекательные центры, через них проходили линии метро, подземного и наземного, вагоны которого разбегались по всему мегаполису, соединяя MRB с жилыми и офисными небоскребами. Хочешь загореть – отправляйся в солярий. Искупаться? К твоим услугам аквапарки и бассейны с «настоящей» морской водой. Есть желание совершить романтическую прогулку? Можно зарезервировать лавочку в зимнем саду или пойти в общественный парк.

Людей много, но развлечений еще больше, и жизнь не скучна.

Этажи в MRB условно делились на «свободные» и «семейные», и подавляющее большинство квартир на «свободных» этажах представляли собой студии, идеально подходящие для одиночки или пары, для тех, кто предпочитал легкую, не обремененную проблемами и ответственностью жизнь, полную законных и незаконных удовольствий.

Впрочем, в отношении удовольствий понятие «незаконный» кануло в Лету, поскольку «Всемирный акт толерантности» прямо запрещал властям преследовать за желание стать счастливым. Единственное условие – добровольность, а возраст добровольного согласия определялся местными законами.

Джа любил заглядывать на «свободные» этажи MRB и сегодня оказался в гостях у двух веселых подружек: темненькой шатенки Альбины, худенькой и гибкой, с малюсенькой грудью и тонкими губами, и пышной Лейлы, черноволосой, улыбочивой и страстной. Девчонки занимались артистической рекламой, и Джа приметил их в холле аэровокзала на перформансе картофельных чипсов, проходящем под маркетинговым призывом «Возьми в дорогу часть Москвы!». Альбина танцевала меж пассажиров, угощая желающих чипсами, Лейла снимала подругу на видео и принудительно отправляла трансляцию на все smartverre, зачекиненные в сети аэровокзала. Несмотря на максимально разрешенный уровень маркетинговой агрессии, шестьдесят три процента получателей реагировали на навязанное видео положительно – девчонки им нравились, и столь высокий процент зрителей автоматически удваивал гонорар рекламных художников. Джа чипсами не заинтересовался – он старался не злоупотреблять сомнительной пищей, но контрастные девчонки пришлись ему по вкусу, поэтому Джа выставил трансляции максимальную оценку, а когда она закончилась – завел непринужденный разговор, итогом которого стали ночлег и развлечение. Расходы: ужин на троих в ресторане средней руки, бутылка игристого вина с собой. Бухгалтерский вывод: приемлемо.

Девчонки оказались не только веселыми, но умелыми и опытными: друг другу не мешали и друг другом не увлекались, знали, что нужно делать, чтобы получить максимальное удовольствие для себя и доставить максимальное удовольствие партнерам, и делали все задуманное с озорством и без стеснения, поэтому в три часа ночи окончательно вымотанный Джа поздравил себя с правильным выбором: в Москве ему предстояло провести всего одну ночь, он планировал обратиться к профессионалкам, но рискнул поменять их на Лейлу с Альбиной и не прогадал.

Сейчас Альбина заняла душевую кабинку, а Джа и Лейла валялись на кровати, бездумно глядя в потолок. После бурного веселья накатила блаженная усталость, однако спать не хоте-

лось: вечер получился отличным, и Джа с удовольствием переживал его послевкусие, рассеянно поглаживая полную грудь девушки. Не стараясь вновь возбудить любовницу, а просто лаская.

- Откуда ты? – тихо спросила Лейла, закидывая руку за голову.
- Из Австралии.
- Я помню, ты говорил за ужином...
- И даже шутил насчет кенгуру.
- Что такое кенгуру?

Девочки оказались веселыми, необычайно умелыми, но абсолютно безграмотными: они не видели разницы между Сингапуром и Сиэтлом, между Северным и Южным полушариями, а из животных знали только кошек, собак и слонов. За ужином Джа убедился, что говорить с ними имело смысл лишь о косметике, моде и новостях шоу-бизнеса, перешел на анекдоты и спокойно дотянул до постели. Но сейчас шутить не хотелось, поэтому приходилось слушать и глупости, и глупые вопросы. И отвечать на них соответственно.

- Кенгуру – это страшный дикий зверь, – серьезно поведал Джа.
- Как слон?
- Хуже – как лев, его так и зовут: австралийский носорог.
- Ты же сказал лев? – растерялась девушка.
- У нас в Австралии кролики сумчатые, а львы – рогатые, – спокойно ответил Джа. –

Ты разве не знала?

Конечно, не знала, но изумленную Лейлу заинтересовало другое:

- У вас до сих пор есть дикие животные?
- Да, – подтвердил Джа.
- Но это же опасно!
- Мы прячемся от них в MRB.
- У вас их много?
- Очень, поэтому первые десять этажей всегда нежилые.
- Почему?
- Змеи заползают.
- Боже!
- К счастью, они гнездятся в конце весны, а в июне улетают в пустыню.

Диалог стал забавлять мужчину, но девушке неожиданно наскучил разговор о далеком континенте, и она поинтересовалась:

- Ты оттуда прилетел?
- Нет, – помолчав, ответил Джа. – Из Токио.
- Ух ты!
- Не бывала?
- Это в Японии?
- Да.

– Не бывала и даже не мечтаю, – вздохнула Лейла и повернулась, прижавшись к Джа выдающейся грудью. – Ты часто летаешь?

– К сожалению, да, – искренне ответил мужчина. – В последнее время получилось очень много командировок.

- Где ты работаешь?
- Обеспечиваю юридическое сопровождение грузов.
- Круто. Закончил колледж?

Люди, работающие по специальности «международное транспортное право», обычно заканчивают университеты, но, чтобы не развивать тему, Джа кивнул и коротко подтвердил:

- Да.

– А я никогда из Москвы не уезжала, – вздохнула девушка. – У моих родителей не было денег на колледж, поэтому все мои путешествия – здесь. – Она прикоснулась пальцем к smartverre. – Виртуальные и реалистичные, но при этом не требуется скучать в самолете.

– Неплохо, – кивнул мужчина и тут же продолжил: – Скажи честно: кем ты меня представляла?

– Что? – девушка сделала вид, что не понимает вопроса, но лгать она не умела.

– Когда мы занимались любовью, ты не снимала smartverre...

– Ты тоже.

– Я о нем просто забыл, – Джа врал намного лучше, и любовница приняла его слова за чистую монету. – А ты явно меняла реальность.

– Как ты узнал? – Теперь она немного покраснела.

– Я внимательный и видел, что, занимаясь любовью, ты смотрела не на меня, а на экран smartverre.

Выбранные Лейлой умные очки плотно прилегали к лицу, обеспечивая полноценное погружение в виртуальную реальность, но поскольку стекла были прозрачными, опытному человеку не составило труда понять, на чем фокусируется взгляд: на нем или экране.

– Сегодня я хотела секса с гномом, – сдалась девушка. – И ты до сих пор гном.

– То есть ты опять меня хочешь? – поинтересовался Джа, сжимая полную грудь чуть крепче. Лейла рассмеялась, но не отстранилась. – Ты заводная.

– Ты этого еще не понял?

Девушка нежно взяла его за руку и повела чуть ниже, на живот, потянувшись, позволив мужчине недолго поиграть с пупком, а затем направила дальше. Усталость усталостью, но столь открытое приглашение Джа игнорировать не стал и поднялся.

– Это будет новый этап наших отношений: мягкий, слегка тантрический секс, – произнес он, усаживаясь и медленно разводя руками полные бедра девушки. Она запустила пальцы в свои кудрявые волосы и закусила губу, когда Джа мягким движением вошел в нее.

И прошептала:

– Действительно, почти тантрический.

– Я все еще гном?

– Да.

– У меня есть борода?

Джа двигался медленно, не торопился, в какие-то моменты даже казалось, что он дразнит Лейлу, но девушке нравилось.

– Черная как смоль, – улыбнулась она, разглядывая изображение на smartverre.

– Я – мультяшка?

– Да.

– Забавный?

– Сексуальный... – она коротко вскрикнула – пальцы Джа надавили на ее лобок. – У тебя большие глаза и крепкие мозолистые руки.

– Есть такое, – улыбнулся мужчина. В отличие от многих коллег, он не стеснялся набитых за долгие годы мозолей. Правда, они у него были не от лопаты или кирки.

– Ты начинаешь распалаться.

– Еще нет.

– Начинаешь... – Лейла попробовала двигаться активнее, но Джа покачал головой и аккуратно перехватил бедра девушки, не позволяя ей ускориться. Вернул прежнюю скорость, чуть поерзал, подбирая удобную позицию, и повернул голову, услышав звук открывшейся двери.

– Не помешаю? – вежливо осведомился вошедший африканец.

– Сильнее, – попросила Лейла, слизывая с губ выступивший пот.

– Не знаю, помешаешь или нет, – спокойно ответил мужчина, вновь поворачиваясь к девушке.

– Джа, пожалуйста... Сильнее!

– Девчонки не предупредили, что в нашем блоке действует правило незапертых дверей? – осведомился африканец.

– У тебя есть имя? – поднял брови Джа, поддерживая Лейлу пальцами. Поддерживая в тонусе.

– Его зовут Мози, он наш друг и философ, – сообщила вышедшая из душа Альбина. И поцеловала африканца в губы: – Привет.

– Привет.

– Ну, раз философ, дело другое, – хмыкнул Джа. После чего шире, почти до шпагата, развел Лейле ноги, приподнялся, навис над ней и резко ускорился. Девушка громко застонала. Альбина отстранилась от Мози, села на кровать и облизнулась. Альбина тоже не снимала smartverge, и оставалось лишь догадываться, кого она видит перед собой. Мози, который надеялся смутить гостя, ухитрился до самого конца сохранять на лице каменное выражение.

И лишь после того, как Лейла закричала, а ее худенькая подруга помогла разрядиться Джа, африканец заметил:

– Ты крут, белый, не всякий может кончить, когда на него смотрят.

– Ничего особенного, – ответил Джа, погладив сидящую перед ним Альбину по волосам. – Вот если бы ты был моей женой, застал меня с этими красавицами, а я бы смог – вот это действительно был бы подвиг.

– Нравится, когда смотрят?

– Не имею ничего против, – широко улыбнулся Джа, разваливаясь на подушках.

Альбина улеглась рядом. Лейла поцеловала его в плечо и направилась к душевой кабине.

Мози проводил ее ревнивым взглядом и продолжил расспросы:

– Почему?

– Может, чему научишься.

Альбина прыснула, но тут же стерла с лица улыбку. Африканец поморщился.

– Почему ты грубишь?

– Проверяю, как сильно ты хочешь остаться.

Мози засопел, было видно, что он очень зол, поэтому Альбина попыталась сгладить ситуацию.

– Джа работает юристом на международных грузоперевозках.

– Неужели? – вежливо удивился африканец.

– Именно, – подтвердил Джа.

– И как платят?

– Неприлично много.

– Что же ты забыл среди орков?

– Как ты их назвал? – теперь удивился белый.

– Орками, – повторил Мози. – И не их, а нас: меня и девчонок.

– Почему?

– Потому что эльфы живут в высоких замках под надежной охраной, – объяснил африканец. – В их волшебном лесу гуляют радужные единороги, но нам нельзя на них даже смотреть.

– Откуда ты набрался этих сказок?

– Бабушка рассказала.

– Она что, читала книги?

Мози показалось, что в голосе Джа прозвучали презрительные нотки, поэтому он несколько секунд хмурился, размышляя, устраивать ли расовый скандал, решил повременить и отрицательно покачал головой:

– Нет, ей рассказывала мать. И еще она говорила, что в старых сказках орки часто пытались захватить эльфийский лес.

– Чтобы его растоптать? – всерьез заинтересовался Джа.

– Всем хочется любоваться единорогами, – развел руками Мози.

– Обойдутся.

– Почему? – Альбина приподнялась на локте и с изумлением посмотрела на любовника.

– Почему? – Мози не сдержался и задал вопрос достаточно зло.

Однако Джа остался абсолютно спокоен и вальяжно объяснил:

– Потому что так устроен мир, мои дорогие временные друзья: эльфы гуляют в лесу с единорогами, а мы должны быть счастливы. Ведь счастье – это то, ради чего стоит жить.

– Хорошо сказано, – вздохнула Альбина.

– А если счастье для меня – это прогулка с радужным единорогом по волшебному лесу? – упрямо спросил африканец. – Что мне делать?

– Поверить, что волшебного леса не существует, и найти себе другое счастье, – легко ответил Джа.

– На одну ночь?

– Завтра будет другая.

– Сегодняшняя ночь определенно удалась, – рассмеялась Альбина.

– А у тебя? – неожиданно поинтересовался Джа, глядя на африканца в упор. – Что для тебя счастье, человек, назвавший себя орком? Если забыть о радужном единороге, конечно.

Вместо ответа Мози потянулся и поцеловал мужчину в губы.

– Мое сегодняшнее счастье – это ты.

– Я знала, что ты явился не просто так, – хихикнула Альбина, поглаживая африканца по плечу. Но Мози даже не посмотрел на девушку – все его внимание было сосредоточено на Джа. Который взял африканца за подбородок и тихо спросил:

– Что будет, если ты его не достигнешь?

– Я тебе не нравлюсь?

– Нет.

– Этим ты меня оскорбляешь, – насупился Мози.

– Не думаю. – Джа легко двинул рукой, заставив африканца отстраниться, и отпустил его подбородок.

– Люди не могут не нравиться друг другу.

– Сюрприз. – Белый по-хозяйски положил руку на маленькую грудь Альбины. Девушка потянулась.

– Ты делаешь мне больно, – тихо сказал африканец.

– Уверен, ты справишься.

– Я могу подать на тебя в суд, – заметил Мози. – Ты причиняешь мне страдания.

– А я могу сломать тебе шею, – усмехнулся Джа.

– Что? – африканец нахмурился. – Ты не посмеешь. Ты...

– Никто из вас не снимал smartverge, – ровно продолжил Джа, глядя на Мози так, что у того начало холодеть внутри. – А в мои очки встроено устройство динамического смещения локального изображения.

– Что это значит? – пробормотала Альбина, обжигая щеку мужчины горячим дыханием.

– Это значит, что никто из вас не знает, как я в действительности выгляжу, – рассмеялся Джа. – И предупреждаю сразу, мои замечательные временные друзья: если кто-нибудь рискнет снять smartverge, я точно сверну ему шею.

– Черт, ты меня заводишь! – выдохнула Альбина.

– А вот мне на мгновение стало страшно, – не стал лгать Мози. – Я действительно поверил, что ты... – Он окинул взглядом широкие плечи Джа и прищурился: – Ты когда-нибудь был с мужчиной?

– Нет, не был, – отозвался Джа, продолжая поглаживать Альбину.

– Почему?

– Не испытываю влечения.

– Не могу поверить, что слышу это, – всплеснул руками Мози.

– Я тоже, – поддакнула Альбина, но внимание Джа ей нравилось.

– Чем ты занимался с учителем физкультуры?

– Куда смотрели твои родители? – хихикнула девушка.

– А эти разгоряченные тела в раздевалке...

– Он девственник! – догадалась Альбина. – Мози, у тебя появился шанс сорвать цветок.

– Сомневаюсь, – вздохнул африканец, не отрывая взгляд от Джа. – Скажи, почему ни один мужчина не заставил твое сердце биться сильнее?

– Я ведь сказал: не привлекают.

– Но ты не попробовал! – покачал головой африканец. – Как ты можешь быть уверен?

– У меня богатая фантазия.

– Мози, может, он болен? – предположила Альбина.

– Чем?

– Гомофобией.

– Мне тоже так кажется.

– Меня записали в сумасшедшие на том основании, что я отказался с тобой спать? – удивился Джа.

– Ты сделал меня несчастным, – уточнил африканец.

– То есть твое счастье заключается в том, чтобы я тебя трахнул?

– Что плохого в простом счастье? – растерялся Мози. – Что плохого в том, чтобы быть сытым, иметь крышу над головой и заниматься любовью с тем, кто тебе в данный момент нравится?

– Таким счастьем могут похвастаться все австралийские кролики, – слегка высокомерно отозвался Джа. – А мы говорим о людях.

– И что с того, что мы говорим о людях? – не поняла Альбина.

– Что с того? – Джа нежно провел пальцами по щеке девушки. – Честно говоря, до сих пор я об этом не задумывался, но теперь вдруг подумал, что если бы мое счастье зависело только от того, пересплю я с тобой и Лейлой или нет, я бы вскрыл себе вены.

– Мы настолько плохи?

– Вы великолепны. – Мужчина прикоснулся к губам Альбины. – Но моя жизнь стоит больше.

– Что же тебе нужно для счастья? – не выдержал Мози.

И вздрогнул, увидев настолько холодную улыбку, что абсолютный ноль показался бы на ее фоне комфортной температурой.

– Что? – Джа прищурился. – Мое счастье в том, чтобы прожить не зря.

Несколько секунд его собеседники молчали, обдумывая неожиданный ответ, а затем вышедшая из душа Лейла посмотрела на подругу и жалобно спросила:

– А так бывает?

CNN: «Около Майами появился чумной корабль?! Жители Флориды изрядно напуганы странными событиями, разворачивающимися вокруг гигантского круизного лайнера "Harmony of the Universe", который встал на якорь в тридцати милях от берега, несмотря на то что круиз окончен и лайнер должен был войти в порт Майами еще утром. Примерно в полдень

в направлении “Harmony of the Universe” проследовали эсминец USS “William J. Clinton” и военно-медицинское судно...»

REUTERS: «Что творится во Флориде? Прошли сутки, а связаться с пассажирами и членами экипажа “Harmony of the Universe” по-прежнему невозможно: их smartverre отключены, аккаунты в социальных сетях не обновляются, и родственникам остается лишь догадываться о том, что происходит с их близкими...»

EURONews: «Вокруг стоящего на якоре лайнера “Harmony of the Universe” установлена пятимильная карантинная зона, которую патрулируют катера береговой охраны. Военные объявили запрет на полеты любых воздушных устройств, включая дроны, и особо отметили, что их запуск с целью получения информации будет рассматриваться как федеральное преступление...»

BBC: «Роскошный круизный лайнер превратился в корабль-призрак?»

LeikaLook: «Сбито четыре наших дрона, поэтому подробного репортажа пока не будет. Но то, что я успел разглядеть, оптимизма не внушает: на палубе “Harmony of the Universe” находятся только военные, облаченные в полные костюмы биологической защиты. Гражданских не видно, надеюсь, сидят по каютам, и можно предположить, что заражение действительно имеет место, причем по самому плохому сценарию – люди умирают...»

* * *

Paris, Gare du Nord

– Обратите пристальное внимание на ваш новый smartverre «Jupiter ZU», поражающий элегантным сочетанием благородства и современных технологий. А теперь и защищенности. Ваш новый smartverre «Jupiter ZU» оснащен детектором genID, и никто кроме вас не сумеет добраться до хранящейся в нем информации.

Выбранному на роль жертвы прохожему реклама настолько надоела, что он пару раз отмахивался от прилипшей машины, но маркетинговый дрон счел хорошо одетого мужчину потенциальным покупателем и упрямо продолжал преследование, нашептывая несчастному заложенный в электронные мозги текст.

– «Jupiter ZU» гарантирует максимально возможную защиту: не только сканер отпечатков пальцев и сетчатки, но и привязку к genID. Что бы ни случилось, ваша информация останется в неприкосновенности...

До сих пор smartverre с чипом genID не связывали, «Jupiter» стал первой ласточкой, но явно не последней: производители давно подбились к возможности совместить набирающий популярность электронный документ – живляемый в кость чип – с главным электронным гаджетом жителя Земли – умными очками, обеспечивающими постоянный доступ в сеть. Усердно внедряемый genID накрепко связывал человека со всемирной базой данных и обеспечивал наивысший уровень идентификации. Чип еще не стал обязательным, но об удобстве его применения не говорили только мертвые журналисты, а нанятые звезды так убедительно демонстрировали преимущества genID, что число очипованных росло как на дрожжах, и теперь, когда оно перевалило за половину населения планеты, настало время связать его с другими устройствами.

И человек окончательно превратится в метку на мониторе.

В метку, о которой известно абсолютно все.

– Ваш smartverre надежно защитит деньги, письма, фотографии...

– Пошел вон, – хрипло велел мужчина.

Дрон испуганно пискнул и резко взял вверх, поскольку программа распознавания агрессии оценила уровень тревоги как «красный», который может закончиться попыткой уничтожения устройства. Мужчина же плюнул на тротуар, коротко выругался в сторону улетевшего

дрона и шмыгнул в притормозившее такси. Как только он оказался в салоне, робомобиль мгновенно набрал скорость и принялся перестраиваться в левый ряд. Резкий маневр показал, что машина управляется отнюдь не стандартной программой, а как минимум спортивной, да и внутренности неприметного и даже слегка потрепанного снаружи «Renault» сильно отличались от обычного: усиленный кузов, нестандартные, пуленепробиваемые стекла и прозрачная перегородка поперек салона, от которой производители отказались сразу, как только из такси исчезли водители. Здесь она сохранилась и надежно ограждала гостя от хозяина робомобиля, худощавого мужчины в неприметной одежде. Его глаза скрывали узкие smartverre с черными стеклами, но черты лица выдавали азиата, скорее всего – китайца.

– Привет, Абдулла, – произнес он, изобразив на лице равнодушно-вежливую улыбку.

– Привет, Ли, – ответил гость, мрачно изучая перегородку. – Перестал мне доверять?

– Я никогда тебе не доверял.

– Раньше мы общались лицом к лицу.

– Извини, купил новую машину. – Хаожень взял из подстаканника пластиковую бутылку с газировкой и сделал большой глоток из горлышка.

Такси давно набрало максимально разрешенную в городе скорость и стремительно удалялось от Северного вокзала на восток, в сторону более безопасных районов.

– Хочешь скажу, о чем ты думал, когда шел к машине? – неожиданно поинтересовался Ли.

– Научился читать мысли? – изумился Абдулла.

– Ты думал, можно ли обмануть genID.

Несколько мгновений Абдулла изумленно тараторил на китайца, после чего выдохнул:

– Откуда ты знаешь?

– Маркетинговый дрон был обклеен рекламой «Jupiter ZU», первый smartverre с подключением к чипу genID, и он не мог не задать тебе определенный ход мыслей, – объяснил Ли. – Ты, кстати, подключен?

– Нет.

– Рано или поздно придется, – пообещал Хаожень. – Или сам подключишься, или примут закон об обязательном чипировании преступников.

Абдулла вздрогнул и скривился:

– Им придется доказать, что я преступник.

– Полагаю, достаточно будет одного привода в полицию.

– Откуда ты все знаешь?

– Предсказываю будущее на основе анализа настоящего.

– Что?

– Не заморачивайся, – махнул рукой Ли, бросив быстрый взгляд в окно: роботакси двигалось по кольцу, и можно было позволить себе поболтать. – Скажи, я прав или нет? Ты думал, как обмануть genID?

– Думал, – признался Абдулла.

– Ответ: никак. Второй ответ: даже не пытайся. И если вживляемый в кость чип еще можно подделать – теоретически, – то добраться до базы данных DNA⁵ не способны даже лучшие хакерские группы. Все пытались и все признали поражение. А если невозможно добраться до базы данных, то взлом чипа не имеет смысла: экспресс-анализ тут же покажет несоответствие и тебя потащат в кутузку, – мушкетер провел пальцем по подлокотнику кресла. – На сегодняшний день genID – идеальный идентификатор, я даже немного завидую парням, которые его разработали, – это была прекрасная, творческая задача.

– То есть скоро мы все окажемся под колпаком?

⁵ днк.

Наивный и плохо образованный Абдулла до сих пор не понимал, что он давно под колпаком, правда, не таким классным, как genID, но, чтобы не затягивать разговор, Хаожень не стал вдаваться в подробности, а коротко подтвердил худшие опасения собеседника:

– Обязательно.

– И что делать?

– Отказываться от чипирования, пока это возможно, но... Но, думаю, твой DNA уже в базе.

– Я не давал разрешения на его использование! – возмутился Абдулла.

Ли деликатно улыбнулся и поднял брови:

– Ты принес золото?

– Ты знаешь, что принес, – ворчливо ответил преступник. – Наверняка просветил меня еще на улице.

– Просветил, – не стал отнекиваться Хаожень. – На тебе четыре слитка.

– Каждый по килограмму, как договаривались. – Абдулла расстегнул куртку и продемонстрировал мушкетеру спрятанное в карманах «разгрузки» золото.

Десять лет назад его продажа частным лицам в виде песка и слитков была окончательно запрещена, что привело к взрывному росту цены и огромному спросу на черном рынке. Четыре килограмма могли отправить Абдулла в тюрьму на десять лет, но мушкетер отказывался принимать другую плату, поэтому приходилось рисковать.

– Клади по очереди.

В разделяющую собеседников перегородку был встроен лоток, и Ли открыл его, чтобы принять груз.

– Сюда поместится только один, – заметил преступник, оценив размер «ковша».

– Поэтому я сказал: по очереди, – напомнил Хаожень, вынимая из лотка первый слиток. –

Банк Греции?

– Товар настоящий, – осклабился Абдулла. – Взят при ограблении Македонского отделения.

– То есть слитки «горячие»?

– А ты их собрался властям сдавать?

– Я... – Хаожень запнулся. – Я...

И закашлялся, одновременно почувствовав нарастающую слабость и головокружение.

– Что случилось? – участливо поинтересовался Абдулла, возвращая второй слиток в разгрузку.

– Я... – Мушкетер посмотрел на золото и скривился: – Ты...

– Нужно было надевать латексные перчатки, – расхохотался Абдулла. – Тогда бы токсин не подействовал.

Ли пробормотал бессвязное ругательство и сполз на пол. Абдулла улыбнулся, снял smartverre и уверенно воткнул его в один из внутренних незащищенных разъемов. Робомобиль заморгал красным, показывая аварию энергетического контура, и стал плавно прижиматься к обочине.

* * *

Мое самое странное воспоминание?

Гм...

Мое самое странное воспоминание кажется выдумкой сумасшедшего и скорее всего действительно является галлюцинацией. Потому что прошлое не может быть настолько отчетливым, запоминаться в таких подробностях и возвращаться, постоянно, мать его, вспыхивать в памяти. Прошлое расплывается в легкой дымке тумана времени и не кажется

четким. Оно – эмоции, чувства и переживания. Прошлое – это запах горящего дерева у первого костра, соленый вкус первой крови во рту, холод первого настоящего страха, ярость первой настоящей победы, прикосновение к любимой – вот что такое прошлое. Простое человеческое прошлое. А я помню действия и декорации в таких деталях, словно пересматривал этот фильм тысячу раз.

Я пересматривал этот гребаный фильм тысячу раз.

Во сне.

В одном и том же сне. В сюрреалистическом смешении кошмара, восторга и лжи... Ведь когда мы говорим о прошлом, ложь становится обязательной даже во сне. Прошлого без лжи не существует, потому что оно хочет нравиться, а ложь – идеальная косметика, особенно для неприглядных девок. Таких, как прошлое. Ложь не такая грубая, как целлюлоидный ботокс, и не такая пошлая, как силикон с припиленными сверху сосками. Пластику невозможно скрыть, даже самую лучшую, а ловкая ложь проникает в душу по капле и остается навсегда. Прошлое становится другим, но при этом – отчетливым.

Я пересматривал этот фильм тысячу раз и знаю, что декорации менялись. Возможно – полностью, но я этого не заметил, потому что декорации меняла ловкая ложь, по капле за каждый раз из тысячи, обманывая меня там, где я совсем не ждал. Я знаю, что все это было на самом деле, но представляю выдумкой, и в этом, наверное, их настоящая победа над моим прошлым: они до него добрались. Я прятал воспоминания в самом надежном на свете хранилище – в мозге, в загадочном сером веществе, к которому невозможно подобрать ключ... к которому очень легко подобрать ключ, но я никого не подпускал к замку. Наверное, не подпускал – я забыл, что случилось. Детали прошлого шныряют, как напуганные колибри. Некоторые картинки до сих пор пахнут, другие я помню на вкус, но большинство – лишь эпизоды затянувшегося трейлера о том, что было. Я смотрю на эту нелепую склейку и не узнаю фильм, в котором играю главную роль. Я знаю, что мои воспоминания реальны, но ругаюсь на плохие спецэффекты.

Я верю в то, что было, потому что мне показывали этот фильм тысячу раз.

И я поверил.

Я вижу себя...

Я лежу на спине, открываю глаза, и взгляд упирается в белый потолок, рассеянный тяжелыми коричневыми балками. Наверное, из дуба. Мне хочется думать, что из дуба, потому что нравится, как звучит: балка из дуба. Сразу представляешь нечто тяжелое, основательное и благородное – старинный замок или особняк на небольшом холме посреди парка, кованые ворота, дворецкий и конюшня. Представляешь... И высокие окна справа шепчут: «Да, старинный замок или особняк...»

Я доволен.

Но в белом квадрате, созданном пересеченными балками, лепится черная точка. Маленькая, однако неприятно яркая. Точка не выглядит нужной, портит композицию и рушит ощущение благородства – ведь в старинном доме, перекрытия которого сложены из тяжелого дуба, не должно быть нерадивых горничных. Точка начинает меня бесить, и я скашиваю глаза вправо, к окнам, задрапированным легким серым шелком. Окон четыре, потому что спальня непомерно велика, но мне нравится, я люблю большие комнаты старинных домов.

Терпеть не могу клетушки...

Нет, не парк.

Серый шелк трепещет на сквозняке, и я вижу, что дом стоит не посреди парка.

Напротив – другие дома.

Теперь я знаю, что нахожусь в городе, в котором никогда раньше не был. Я приехал глубокой ночью, видел только темные стены, подсвеченные снизу тусклыми фонарями, но мне неинтересно, что прячется за стенами.

Я почему-то не хочу смотреть на город.

Не знаю почему.

Наверное, потому что фонари тусклые, ведь город изо всех сил старается выглядеть аутентично, так, как в Средние века, только помоев на улице не хватает. Город кичится историей, прячется в древность, как в раковину, желая хоть чем-то отличаться от бесчисленных поселений, возникших после его рождения.

Город хранит свое прошлое, как я. И его декорации тоже меняются: постепенно, но неуклонно он становится другим, убеждая себя, что остается прежним.

Мы с городом похожи.

Наверное, поэтому я не хочу на него смотреть.

Рядом лежит женщина. Спит, если верить спокойному, ровному дыханию, но женщины лживы, это нужно учитывать. Она улыбается... Она улыбается во сне, а значит, ей было хорошо. И сейчас она спит, доверяя мне свою жизнь.

Я люблю женщину, как гениальной картиной... Нет! Ни одной картиной в мире я не любовался так, как этой женщиной. Ни одно, даже гениальное, полотно не позволит ощутить тепло, не позволит услышать тихое дыхание, не наполнит душу невозможным ощущением обожания. Я готов любоваться спящей женщиной вечно.

Я хочу, чтобы она проснулась.

А черная точка стала медленно двигаться на север.

Это муха. Мухой оказалась точка, к которой я наконец пригляделся и увидел крылья и лапки. Или точка стала больше, поэтому я заметил крылья и лапки. Муха медленно ползет на север и при этом растет, увеличивается в размерах, словно дорога на север делает путешественника больше.

Это не сон, это воспоминание.

Во сне я понимаю, что мне в очередной раз показывают старое воспоминание, и поражаюсь точности деталей. А женщина продолжает дышать ровно. Женщине все равно, что муха растет. Женщина ее не видит, или делает вид, что не видит, или женщине плевать на то, что муха собирается напасть. Муха давно достигла размера футбольного мяча и продолжает расти. Если ее не остановить, муха вырастет размером с комнату, потом – с дом и атакует город. Она будет летать над черепичными крышами и хватать перепуганных людей. Муха сильна и абсолютно беспощадна. И только я стою между ней и будущим.

Никто, кроме меня.

Я медленно, чтобы не потревожить женщину, опускаю левую руку и нащупываю бхудж⁶, поскольку лишь с его помощью можно истребить муху. Короткий клинок не спрятан в ножны, меч готов к работе, я медленно поднимаю его и мягко кладу на кровать вдоль левой ноги. Но смотрю при этом вверх.

Мы ждем: я и муха, которая выросла в изрядную свинью. Мы оба ждем, что сделает меч: я и муха. Муха не дура и с опаской смотрит на бхудж. Я разочарован, я хочу, чтобы муха сделала первый шаг, но проклятый монстр выбирает иной путь – продолжает расти, поэтому первый шаг делает меч: взлетает над кроватью, и в комнате начинается сражение – я и бхудж против чертовой твари. Муха не столь быстра, как раньше, потому что выросла, она прекрасная мишень, но обзавелась твердым панцирем, пробить который оказывается непросто: клинок скользит, не причиняя вреда, а мне приходится уворачиваться от когтистых лап. Муха, кажется, смеется. И, кажется, перестала расти. Панцирь выдержал три удара, и муха больше не боится бхуджа, но напрасно, потому что мой меч молчалив, сосредоточен и ждет удобного момента.

⁶ Оригинальный индийский меч.

Мы оба ждем: уворачиваемся от лап, прыгаем по большой комнате, ломая и переворачивая мебель, делаем вид, что вот-вот проиграем, а когда мухе кажется, что победа близка, – наносим прямой удар. В прыжке со стола. Клинок пробивает твердый панцирь, черное сердце, и муха рушится на пол, в агонии перебирая лапками и наполняя спальню зловонием.

Муха мертва.

Я спас мир.

Усталый, но гордый, я возвращаюсь к кровати и смотрю на женщину, которой готов любоваться вечно. Я улыбаюсь. Меч улыбается. Мертвая муха воняет. Женщина открывает глаза и внятно произносит:

– Я тебя ненавижу.

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

* * *

Madrid, Plaza de la Puerta del Sol

– Я тебя люблю...

Она шепчет эти слова часто, гораздо чаще, чем следовало бы, но почему-то они не теряют смысла. Остаются такими же, как в первый раз: чарующими, возбуждающими, обещающими. От того, как она шепчет, по спине бегут мурашки, а в груди, в том месте, где должно быть сердце, вспыхивает огонь.

Или горит сердце?

Все может быть.

– Я тебя люблю...

И мир меняется.

Нет, мир исчезает, распадается на фрагменты, каждый из которых несет капельку ее слов, – и только в этом остается смысл. Мир делается незначительным, прячет свою суть в ее шепоте. В ее прекрасных глазах. В полуулыбке изящно очерченных губ. В протяжном стоне. В выгнутой спине. В руке на шее. В острых ногтях... Ногти у Эрны не длинные, но очень острые, ими она ставит отметки на плечах и спине. У Орка много шрамов, и старых, едва заметных, и свежих, сегодняшних, кровавых, и он улыбается, когда очередной ноготь вонзается в него.

– Я тебя люблю...

За шепот Эрны можно отдать все, что угодно, не только кровь. Вообще все – не раздумывая. Шепот Эрны вбирает в себя весь мир. У шепота Эрны есть власть, которую Орк признает безоговорочно.

– Я тебя люблю...

Орк перевернул женщину на живот и мягко погладил по упругим ягодицам. Не в первый раз за эту ночь и вряд ли в последний, но сейчас мягкость Орка оказалась обманчивой, его пальцы проникли так глубоко, что вызвали ответ: Эрна вздрогнула всем телом и улыбнулась.

– Скажи еще раз, – попросил Орк.

– Тебе нужно завестись? – высокомерно уточнила женщина.

– Всем нужно завестись.

– Вам всем это нравится.

– Сука.

Она рассмеялась, вновь вздрогнула, когда он надавил сильнее и грубее, неожиданно подавшись назад, резко и быстро, заставив Орка шумно выдохнуть и насела на его пальцы.

– Не ожидал? – Ее голос то и дело срывался.

– Я никуда не тороплюсь.

– Сколько тебе нужно времени, чтобы вновь собраться? Час? Два? Или обойдемся веселенькой пилюлей?

– Сука...

Эрна вновь рассмеялась, выгнулась под руками Орка, потянулась, блаженно жмурясь, перевернулась, закинула левую ногу на плечо любовника и, глядя ему в глаза, прошептала:

– Я тебя люблю...

Не сказала, а прошептала, она всегда шептала эту фразу, вонзая слова в душу так же, как бхудж – в сердце. И никакая защита не могла спасти от этого удара.

– Я тебя люблю...

И Орк вошел в нее нежно, очень плавно, внимательно наблюдая за тем, как Эрна начинает покусывать губы – по мере того, как он проникал все дальше. Остановился на несколько мгновений и провел рукой по бедру – Эрна тихонько всхлипнула, а еще через секунду плавная нежность вдруг сменилась резким и стремительным напором. Орк стал бешеным и набросился с неистовством моряка, сорвавшегося с полугодовой вахты. Набросился с рычанием и таким огнем в глазах, словно действительно стал кровожадным орком. Набросился так, что Эрне стало страшно – до эйфории страшно, а потом – так же больно. А потом – невыносимо сладко.

И ее громкие крики отразились от каждого камня старой площади.

А потом...

Когда в спальне стало тихо, сделалось спокойным хрипкое, прерывистое дыхание, накрыла блаженная истома – наступило время молчания. Орк и Эрна долго лежали на огромной кровати, бездумно глядя в причудливо расписанный потолок, вновь и вновь переживая умирающую рассветом ночь и думая, что их последняя встреча получилась великолепной.

Но их мысли не были окрашены горечью, лишь легкой грустью.

Потом Орк раскурил самокрутку, не разрешенный каннабис, а запрещенный кубинский табак, а Эрна поднялась с кровати и спросила:

– Вина?

Хотела накинуть халат, но передумала, потому что Орку нравилось, когда она ходила по дому голой.

– Ты знаешь, что да, – ответил мужчина, пуская к расписному потолку причудливый дым.

– Подумала, что ты мог измениться.

– Я?

– Ты изменился.

Они оба знали, что так есть, и Орк недовольно буркнул:

– Не по своей воле.

– И хочешь отомстить?

– Уже нет.

– Нет? – Ответ оказался настолько неожиданным, что Эрна подошла к курящему на кровати Орку и заглянула ему в глаза. – Нет?

– Я теперь другой, – пожал плечами мужчина. – Я никогда не стану прежним, но главное – этот другой мне нравится.

– Он жестче.

– Нет, – качнул головой Орк. – Он намного мягче предыдущей версии.

– Мне лучше знать.

– С тобой они ведут себя одинаково.

– «Они»! – не сдержалась женщина. – Ты говоришь о них так, словно стоишь в стороне.

– Я еще не до конца стал новым, – ответил мужчина, глубоко затянувшись. – Я действительно смотрю на них со стороны. Думаю, это все из-за того, что где-то во время перехода я успел умереть.

– Для мертвого ты необычайно энергичен.

– Инстинкты, – махнул рукой Орк. И небрежно поинтересовался: – Зачем ты спрашивала о вине?

Сейчас он вел себя с ней, как с горничной или с горничной-шлюхой, явившейся в номер на уборку и согласившейся провести время за подходящую цену, но это было так необычно для их отношений, что Эрна решила подчиниться: молча поднялась, сходила на кухню и принесла вина – холодного, белого, ароматного, безумно вкусного, – вновь оказалась напротив Орка, с бокалом и открытой бутылкой, медленно наполнила бокал до половины, сделала большой глоток и передала любовнику. Тот усмехнулся, принимая и вино, и намек.

Но вместо напрашивающегося продолжения Эрна неожиданно сказала:

– Прости его.

И тем заставила Орка поморщиться.

– Прости его.

– Мы только что об этом говорили, – размеренно ответил Орк, не глядя на любовницу. – В моем сердце нет мести, нет зла, нет обиды...

– И нет прощения, – закончила Эрна. – Я вижу.

– Если нет зла – откуда взяться прощению? Я теперь другой, а он... Он имел право на свое решение.

– Не имел.

– Мы оба знаем, что имел, – неожиданно мягко улыбнулся Орк. А потом протянул левую руку и пальцами коснулся бедра своей женщины. Едва-едва, очень нежно. – В семье должна быть черная овца, Эрна, иначе это не семья, а дерьмо.

– Ты не овца.

– Теперь не важно.

– Важно!

– Почему?

– Потому что... – женщина отвернулась. Но не отступила, и он продолжил ласкать ее бедро подушечками пальцев.

– Почему для тебя это важно?

Эрна промолчала.

Снова.

Она никогда не произносила эти слова вне секса, никогда не шептала: «Я тебя люблю...», не чувствуя Орка внутри себя или рядом с собой, готового доставить ей наслаждение.

Никогда.

Как будто не понимала, что тремя словами способна изменить все – вообще все. Или не верила, потому что слишком далеко все зашло и гнусность совершённого можно было смыть только кровью. Эрна не верила в слово... А Орк как раз сейчас поймал себя на мысли, что услышь он: «Я тебя люблю...» не во время секса – на коленях пополз бы вымаливать прощение.

Но слово не прозвучало.

Орк докурил самокрутку и бросил окурочок в бокал. Запрещенный табак утонул в утонченном белом вине.

Свидание закончилось.

– Всякий раз, расставаясь, я думаю о том, что больше никогда тебя не увижу, – сказала Эрна, наклоняясь за трусиками. – Иногда это меня радует, иногда оставляет равнодушной. Но мне всегда становится грустно.

Орк кивнул так, будто эти ее слова имели значение. И прищурился, любуясь грациозными движениями молодой женщины. Хрупкой, но отнюдь не слабой. С тонкими бедрами, небольшой, дерзко торчащей грудью и худенькими плечами. Эрна относилась к типу «женщина-подросток», даже стрижку носила короткую, «под мальчика», и, может быть, в этом прятался секрет ее сексуальности.

– Я не хочу, чтобы все закончилось плохо...

Эту же фразу и почти таким же тоном Эрна произнесла в начале сегодняшнего свидания, примерно в полночь, на узенькой улочке среди старой испанской застройки. Они встретились тайно, поужинали в небольшом семейном ресторанчике, не сводя глаз друг с друга, а покинув его, не ушли далеко: возбужденный Орк затащил женщину в глухой тупичок и предложил «приключение». А когда Эрна отказалась – грубо схватил, развернул спиной и прижал к дешевому пыльному робомобилю. Она прошипела ругательство, очень грязное, такое же грязное, как капот машины, на который Орк ее бросил, но ничего не смогла поделать с его напором. Разрыдалась, чувствуя себя униженной, но меньше чем через минуту стыд и бессильная злоба подарили молодой женщине невиданный водоворот эмоций, отправивший на дивные высоты наслаждения. Эрну захлестнуло так, что она едва не потеряла сознание, а может, и потеряла, потому что, открыв глаза, поняла, что все закончилось: она прижимается к старому робомобилю, а мужчина покуривает сзади.

– Скотина, – процедила Эрна.

– Спасибо.

Орк сделал шаг, позволяя женщине выпрямиться и расправить юбку. Обрывки трусиков валялись под ногами.

– Дай! – Она почти вырвала у любовника сигарету и жадно затянулась. – Скотина.

– Еще скажи, что тебе не понравилось.

– Не твое дело.

Орк улыбнулся.

– Сверни еще одну.

– Хорошо...

– И мне тоже, – слышался грубый голос.

Эрна выглянула из-за спины любовника и тихо ойкнула, увидев подходящих громил.

– Сколько их? – спросил Орк, продолжая спокойно сворачивать сигарету.

– Трое, – ответила женщина и затянулась так глубоко, что огонек съел почти весь оставшийся в самокрутке табак и обжег губы. – Если не справишься, меня ждет бурный гангбанг.

– Тебе это надо? – осведомился Орк.

– Нет. – Она бросила на землю докуренную самокрутку и нежно прикоснулась ладонью к щеке любовника. – Большого удовольствия, чем с тобой, я не испытываю ни с кем на свете.

– Значит, придется справиться.

– Давай я вызову телохранителей?

– Зачем?

И вот тогда Эрна сказала:

– Я не хочу, чтобы все закончилось плохо...

А Орк отдал ей свернутую самокрутку и улыбнулся:

– Плохо не будет.

И тут же нанес стремительный, хладнокровный и до ужаса точный бэкфист⁷, смахнув с доски одну из трех фигур.

А Эрна щелкнула зажигалкой и подумала, что он действительно изменился. И выдохнула дым, наслаждаясь ароматом настоящего кубинского табака.

Второго врага Орк заставил согнуться пинком в пах. Перехватил руку третьего – в ней оказался нож, вывернул ее до хруста в суставе, безжалостно сломанного через мгновение, подножкой сбил на землю, подошел ко второму, спокойно взял его двумя руками за волосы и нанес сокрушительный удар коленом в голову. Первый до сих пор пребывал в нокауте, и добивать его Орк не стал.

⁷ Раскручивающийся удар правой рукой.

Молча вернулся к Эрне и забрал у нее сигарету.

– Жестоко, – резюмировала женщина. Ее пальцы не дрожали. Его, впрочем, тоже. – Ты изменился.

– Может, я стал собой?

– Не знаю, – протянула Эрна. – Не знаю...

Она хотела его до неистовства.

Но сейчас, одеваясь, чтобы расстаться навсегда, Эрна снова сказала:

– Я не хочу, чтобы все закончилось плохо.

Однако Орк промолчал.

Ничего не ответил. Только ободряюще улыбнулся хрупкой красавице и пыхнул дымом, вспоминая, как вышел однажды к роскошному бассейну в роскошном загородном клубе, где собирались отдохнуть и расслабиться члены действительно высшего общества. Вышел улыбаясь, пребывая в прекрасном настроении, чувствуя себя героем, готовым свернуть горы и дотянуться до звезд, чувствуя, что может сделать все, о чем попросит любимая, и... И увидел на некоторых мужских спинах и плечах характерные отметки маленьких, очень острых ногтей. Не очень заметные, но очевидные – если знать, куда смотреть и что искать.

Тогда он тоже никому ничего не сказал, просто напился в баре.

Но запомнил.

Запомнил навсегда.

A2 archive bummer trip⁸

Как вы представляете время?

Вы способны вообразить понятие, проносящееся мимо настолько быстро, что остается невидимым? Что оно для вас? Стрелки старинных часов? Сменяющие друг друга цифры электронного табло? Песок, убегающий в тонкую дырочку под действием гравитации? Листы календаря в мусорном ведре? Явившиеся за долгом громилы? Могилы друзей, образы которых постепенно стираются из памяти?

Как вы представляете то, в чем измеряется жизнь?

Вы задумывались?

Что вы видите, когда представляете ВРЕМЯ, означающее вашу ЖИЗНЬ? Может, уходящую вдаль дорогу? Сначала медленную ухабистую колею, которая плавно превращается в скоростное шоссе, и верстовые столбы начинают мельтешить так быстро, что не успеваешь зацепиться взглядом за дни и отсчитываешь прожитую жизнь неделями, а то и месяцами. Может, вам видится огромная скала, что вот-вот навалится на вас? Или бесконечный темный тоннель, в котором лишь изредка встречаются освещенные пятна радости? Как вы представляете время? Как вы его чувствуете? Нет, я не о том, что в тридцать пять лет тело слетает с гарантии, и им начинают заниматься доктора... А в действительности – люди-самоучки, не имеющие доступа к исходным кодам организма.

Как вы ощущаете время?

– В чем смысл вопроса? Время просто есть.

A2 вздрогнул, оторвал взгляд от стола, несколько секунд рассматривал сидящего напротив мужчину, а затем густо покраснел, сообразив, что последнюю фразу произнес вслух. То есть последнюю – точно. А возможно, и все предыдущие. Ему пришлось долго ждать вышедшего по делам хозяина кабинета, и он задумался, а когда A2 по-настоящему задумывался, то переставал замечать происходящее вокруг и начинал произносить вслух захватившие его мысли. Иногда свидетелями размышлений становились умные, образованные люди, и вернув-

⁸ Тяжелый наркотический бред (сленг.).

шегося в реальность А2 поджидали интереснейшие и долгие разговоры. В некоторых случаях ему доставались насмешки от потомков обезьян, предлагающих закинуться успокаивающей «химией». Однако в большинстве случаев окружающие старались не замечать высказываний погрузившегося в себя А2. Ведь у всех есть собственные дела.

Хозяин кабинета решил воспользоваться удобным случаем начать непринужденный разговор, но ошибся: А2 такой подход не понравился.

Ему вообще не нравился собеседник.

– Извините, – пробормотал покрасневший А2, вновь упираясь взглядом в столешницу.

– Вам не за что извиняться: мне было интересно.

– Не сомневаюсь.

Мужчина поднял брови, намекая, что дерзость будет наказана, и А2 поспешил объяснить:

– Я склонен к созерцанию и размышлениям, иногда парадоксальным... неожиданным для слушателей... я... – увидел в глазах собеседника зарождающееся раздражение и решил, что не стоит углубляться в подробности. – Я просто хотел уточнить, что знаю за собой такую особенность. Ничего более. Ни в коем случае ничего более. Людям нравится меня слушать... говорят, я становлюсь убедительным и... и более интересным собеседником, чем в обычное... чем всегда.

Несколько секунд хозяин кабинета размышлял над путаным ответом посетителя, после чего милостиво кивнул:

– Понимаю.

Показав, что не счел высказывания А2 оскорбительными.

Да и как можно ожидать оскорблений от смущенного интеллигента в костюме классического кроя конца XX века? Теряющегося от любого замечания и явно напуганного? Беспрепятственно поглаживающего поверхность стола и избегающего смотреть в глаза? По всему видать, человека скромного, застенчивого, в чем-то умного, но к жизни неприспособленного, возможно – девственника.

– Вы знаете, где находитесь? – помолчав, спросил хозяин кабинета.

– Вы решили надо мной посмеяться? – робко удивился А2.

– Отнюдь, – покачал головой хозяин. – По опыту знаю, что многие люди не отдадут себе отчет в том, чем занимается наша организация.

– Я – отдаю.

– Тогда, пожалуйста, скажите.

А2 вздохнул, поправил smartverge – такого же древнего дизайна, как и костюм, – и неуверенным голосом ответил:

– Я нахожусь в институте Права и Толерантности, где занимаются...

И вновь замялся.

– Счастьем, – закончил за него хозяин кабинета.

– Я так и хотел сказать, – подтвердил А2, четко осознавая, что должен проявлять не только внешнее fupпу, но и внутреннюю лояльность.

– Вас ничего не смущает?

Последовала короткая, на несколько секунд, пауза, после чего А2 дернул плечом и выдал давно зазубренную цитату:

– Не вижу ничего странного в том, что людям необходимо прививать чувство счастья. Наша цивилизация не так давно ступила на истинно гуманистический путь развития, и хотя общество быстро меняется...

– В хорошую сторону или в плохую? – немедленно уточнил хозяин кабинета.

– Вперед, – так же быстро ответил А2. – Время еще не научились оборачивать вспять.

Теперь взял паузу собеседник.

Он откинулся на спинку кресла, несколько секунд не мигая разглядывал А2, затем представился:

– Морган Каплан, доктор.

– Очень приятно, Алекс Аккерман... биолог... доктор.

Профессию А2 назвал неуверенно, однако Морган не обратил на заминку внимания и поинтересовался:

– Алекс Аккерман... Вас поэтому прозвали А2?

– Да... еще в детстве...

– Вы знаете, чем мы занимаемся, доктор Аккерман?

– Разве мы не об этом только что говорили?

– Я услышал стандартный ответ, а хотел бы знать ваше истинное отношение к происходящему.

– Гм...

Ответить так, как думал, А2 не мог, поскольку это грозило крупным штрафом и коротким тюремным заключением с последующим помещением в список неблагонадежных. Нужно было отвечать правильно, однако зазубренные определения выскочили из головы и никак не хотели возвращаться.

– Не смущайтесь, – благодушно произнес Каплан. – А главное, ничего не опасайтесь, поскольку на этом вопросе все спотыкаются.

– Даже вы?

Морган рассмеялся.

– У вас высочайшее самообладание.

– Это от страха. – А2 вновь густо покраснел.

– Знаю, – кивнул Каплан. – Люди реагируют по-разному: одни цепенеют, другие начинают сражаться. Вы относитесь ко второму типу.

– Это хорошо или плохо?

– Это не имеет отношения к теме нашей встречи. – Морган удобнее устроился в кресле. – Давайте поговорим о счастье.

– В общих чертах?

– Сначала – да, – согласился Каплан. И чуть добавил в голос жесткого напора: – Общество, как вы правильно заметили, доктор Аккерман, меняется. Но общество – это в первую очередь люди, и общество создано для людей, а не наоборот... Вы следите за моей мыслью?

– Со всем возможным тщанием.

– Выдающиеся мыслители начала XXI века предвидели развитие человеческой цивилизации, внимательно изучали тенденции, которые тогда лишь зарождались, вычислили гуманистический вектор и сделали вывод, что главной задачей новейшего общества станет достижение счастья. Тысячи лет человек работал не разгибая спины, умирал от болезней, которые в те времена не умели лечить, погибал в войнах, развязанных колонизаторами и религиозными фанатиками, и мечтал о счастье. Сначала эти мечты были приземленными: кусок хлеба каждый день, крыша над головой, возможность прожить долгую жизнь и умереть на руках правнуков с улыбкой на устах. Подобные мечты сейчас выглядят мелкими, ведь человечество совершило грандиозный шаг вперед, но тогда казались недостижимыми. Сейчас мы справляемся с любыми болезнями, у нас нет голодных и почти отсутствуют войны. Современное общество способно предложить законопослушным гражданам высочайший уровень комфорта и благосостояния. Наша цивилизация далеко ушла от варварства, но возникает важнейший вопрос: что теперь счастье?

– Для некоторых это по-прежнему кусок хлеба, – внезапно обронил А2.

– Вы меня не слышали? – грубовато поинтересовался Морган.

– Просто предположил, – вновь смутился Аккерман.

Доктор жестко посмотрел на Алекса, затем, успокоившись, продолжил:

– Вы знаете, почему приглашены на встречу?

– Я надеялся, что по ошибке, – признался А2 и принялся нервно тереть манжет сорочки.

– Нет, не по ошибке, – покачал головой Каплан. – У нас много дел, доктор Аккерман, и мы не имеем права тратить время на ненужные знакомства. Мы не ошибаемся.

– То есть вы решили, что я несчастлив?

– Именно.

Разговор вступил в самую опасную для А2 стадию: сейчас Морган изложит суть претензий, на которые придется реагировать правильно. Предельно правильно, потому что в противном случае из института можно и не выйти...

– У вас есть дети? – неожиданно спросил Каплан.

– Нет.

– Почему?

– Я еще слишком молод.

– Сколько вам?

– Тридцать шесть.

– Фактически юноша.

– Да, – робко улыбнулся А2. – Нужно пожить для себя.

– У вас есть постоянный партнер?

– Нет.

– Почему?

– По той же причине.

– Хотите погулять? – с недоверием осведомился Морган.

– Да.

Однако Аккерман при всем старании не походил на записного ловеласа и даже бодрым голосом не смог развеять недоверие врача. Но Каплан решил пока не давить слишком сильно.

– Что же занимает ваше время?

– Стараюсь радоваться жизни.

– Получается?

– Мне казалось, что у меня все хорошо: любимая работа, еда и крыша над головой, при необходимости – секс.

– Многим из нас кажется то, чего нет в действительности, – улыбнулся Каплан. – Именно в этом заключается смысл слова «кажется». И если вы предполагаете, что у вас все хорошо, это вовсе не означает, что вы действительно счастливы.

– Вы в это верите? – удивился Алекс.

– К сожалению, многие люди лишь демонстрируют funny, опасаясь выглядеть подозрительно, а в действительности сгибаются под грузом неразрешимых психологических проблем, – с грустью ответил Морган. – Наш институт помогает каждому обратившемуся обрести настоящее, а не показушное счастье. Наша благородная цель – гармоничное общество. Вы хотите жить в гармоничном обществе равных возможностей, доктор Аккерман?

– Безусловно, – выдавил из себя А2.

– Отрадно слышать.

– В чем меня обвиняют?

Вновь возникла пауза, и вновь – некрасивая, настороженная, способная взорваться яростным криком. Морган Каплан молчал так, что делалось страшно, и чтобы не задрожать, А2 заставил себя сосредоточиться на smartverge доктора. Элегантном, прозрачном, маленьком, в тончайшей золотой оправе, каким-то чудом вобравшей в себя необходимую электронику. Умные очки Моргана демонстрировали приверженность высокому стилю и безупречный вкус,

ими можно было любоваться часами, но Алекс вдруг подумал, что пропитанные нановолокном стекла искажают взгляд доктора в нечеловеческий, в неживой...

Впрочем, все люди смотрели из smartverre совсем не так, как без него.

Но где теперь встретишь человека без очков?

– Почему вы решили, что вас обвиняют? – тихо осведомился Каплан.

– В противном случае мне здесь делать нечего.

Стильные стекла стильных smartverre небрежно блеснули.

– Нам поступила информация, что вы несколько раз назвали себя «она»: один раз в переписке и трижды – в устном разговоре.

– Что? – растерялся Аккерман, ожидавший услышать что угодно, включая обвинение в ядерном терроризме, но только не подобную чушь.

– Вы несколько раз назвали себя «она», – терпеливо повторил доктор.

– Это важно?

– Очень.

A2 еще раз огляделся, словно проверяя, не заснул ли он во время разговора, после чего демонстративно ущипнул себя за руку – Морган сопроводил жест вежливой улыбкой, – и спросил:

– Перефразирую вопрос: это настолько важно, что кто-то на меня донес?

– Когда подобное случается единожды или в течение длительного промежутка времени, это действительно не важно, – объяснил врач. – Однако вы назвали себя «она» три раза в течение пяти лет, и система обратила на несоответствие внимание. И не только система.

– Подождите, подождите... – A2 судорожно потер виски. – Объясните... я искренне не понимаю... Как это связано и почему именно вы...

– Как я уже сказал, достижение счастья – одна из важнейших целей современного общества, – в голосе Каплан послышались довольные нотки, ему явно нравилось видеть растерянность Алекса. – Все должны быть счастливы.

– Я вполне счастлив, я всегда улыбаюсь...

– Сейчас мы говорим не о funny, а о серьезных проблемах.

– Я в порядке! Я...

Морган остановил возгласы несчастного легким взмахом руки и сообщил:

– Есть веские основания считать, что у вас нарушена система самоидентификации.

– Не понял.

– В глубине души вы не уверены в своей гендерной принадлежности, – объяснил доктор.

– Я убеждаюсь в ней всякий раз, когда подхожу к писсуару, – пробормотал A2. – Или когда бреду по утрам.

– Это внешние проявления, господин Аккерман, а институт несет перед обществом ответственность за ваше психологическое здоровье. Вы должны быть тем, кем себя считаете.

– С моим психологическим здоровьем все в порядке.

– Мы не уверены.

– Из-за того, что однажды я оговорился?

– Однажды? – поднял брови Каплан. – Три раза в течение пяти лет?! Это не «однажды», доктор Аккерман.

– Вы сейчас серьезно?

– Внутри вас живет девочка, которую вы жестоко подавляете, – отчеканил Морган. – И мы обязаны ее спасти!

Время молча проносилось мимо, а вот жизнь, похоже, готовилась совершить потрясающий и совершенно неожиданный кульбит.

– Кого спасти? – мяукнул A2.

– Маленькую девочку, которая живет внутри вас, – объяснил Морган. – Возможно, речь идет о неродившейся сестре.

– У меня никогда не было сестры!

– Об этом я и говорю, доктор Аккерман: бедная девочка не родилась, но застряла в вашем сознании и тридцать шесть лет испытывала жесточайший психологический прессинг. Вы заставляли ее быть мужчиной.

Алекс судорожно вздохнул и в отчаянии всплеснул руками:

– Вы правда говорите то, что я слышу?

– Правда, – подтвердил Каплан.

А2 нервно вытер выступивший на лбу пот, как ни странно, он не забыл сделать это носовым платком, после чего простонал:

– Тогда скажите, что я сумасшедший, и пропишите какие-нибудь таблетки.

– Вы – глубоко несчастный человек с искаженной гендерной идентичностью, – очень мягко, по-отечески, произнес Морган. – Возможно, вы долгих тридцать шесть лет были несчастливы, даже не подозревая об этом. Не понимая, откуда берутся депрессии...

– У меня не бывает депрессий.

– ...внезапные вспышки гнева...

– Никогда не замечал.

– ...желание все бросить и покончить с жизнью.

– Вы, случайно, не о себе рассказываете?

Однако перебить, остановить или разозлить Моргана оказалось непосильной задачей: врач поймал нужный тон и наслаждался каждой секундой разговора.

– Мы сделаем все, чтобы вы стали по-настоящему счастливы, доктор Аккерман. Мы проверим вас и выясним, кто эта несчастная девочка.

Жизненный кульбит обретал явственные очертания и грозил переломом шеи – в переносном смысле, потому что все рассыпалось на глазах. Ведь новую гендерную идентичность ему собирались нанести вместо старой.

– Мне нравится быть мужчиной, – прошептал Алекс.

– Проверим, – пообещал доктор. – И если окажется, что вам действительно комфортно, – оставим все как есть.

– Так речь о моем комфорте или о спасении сестры, которой у меня никогда не было?

– Речь о том, чтобы вы были счастливы, – назидательно произнес Каплан.

– Уверены?

– Вы когда-нибудь слышали о таком понятии: гуманизм?

– Разумеется.

– Вы понимаете, что оно означает?

– До сих пор думал, что да, – выдохнул А2.

– А вот сейчас нет необходимости ерничать, доктор Аккерман, – дружески произнес врач. – В вашем положении нужно серьезно задуматься.

– О чем?

– Будем называть вещи своими именами, доктор Аккерман: сознательно или нет, вы препятствуете существованию свободной, полноценной личности.

– Я – личность, – дрожащим голосом заявил Алекс, с ужасом догадываясь, чем закончится визит в институт Права и Толерантности.

– Возможно, вы живете за счет другого, – печально ответил Морган.

– А вдруг вы ошибаетесь?

– Мы проведем тесты.

– Психологические?

– В том числе психологические. – Каплан скрестил на груди руки. – Вам не о чем беспокоиться, доктор Аккерман, наш институт профессионально занимается счастьем, и если окажется, что внутри вас нет девочки, я первый вас расцелую.

– А если вы решите, что она есть? – хрипло поинтересовался А2.

– Тогда я просто пожму вам руку, – рассмеялся Морган.

Он был очень, очень доволен собой.

Paris, Champigny-sur-Marne

Власть.

Когда мы говорим о природе общества – мы говорим о власти и только о ней, потому что без власти нет ни структуры, ни порядка, ни движения. А отсутствие движения – признак смерти. Общества без власти не существует, как и человека вне общества. Как бы далеко человек ни ушел от себе подобных, как бы ни гордился своим отшельничеством, он все равно остается частью общества.

Либо продуктом, либо поваром.

Либо человек потребляет предлагаемые цивилизацией блага, либо распределяет их, сосредотачивая в своих руках ресурсы и... власть. Власть лежит в основе всего. Ради власти совершаются преступления и ведутся войны, ради власти крушат империи и предают самых близких людей. Власть – вожденный приз, которым никто и никогда не делится.

Потому что либо она у тебя есть, либо ее нет. Третьего не дано.

Третьего пути не было, но его придумали, когда государственная система безопасности стала рушиться под давлением набравшего силу криминала. Когда уличные войны стали обыденностью, и для их прекращения в города приходилось вводить войска. Полиция сдалась, признав поражение перед лицом не столь хорошо оснащенного, но многочисленного и безжалостного противника, и тогда разработали «Всемирный билль о неотъемлемом праве личности на частную безопасность»: единая полицейская организация упраздняялась и заменялась частными охранными службами – MS, содержащимися на взносы жителей района и небольшие государственные субсидии.

Забота о сохранности имущества и жизни стала неотъемлемым правом и обязанностью гражданина.

В коммуне Шампиньи уличную безопасность обеспечивала MS «Дога1000», директор которой, Сечеле Дога по прозвищу Крокодил, хвастался, что при необходимости может за час поставить под ружье тысячу бойцов. Так это было в действительности или нет – неизвестно, однако на территории коммуны Сечеле чувствовал себя в полной безопасности, и чтобы его выгнать, потребовалась помощь ценного осведомителя и операция спецназа GS.

Ведь там, где твоя власть, ты можешь все.

Встречу назначили на границе – ехать внутрь коммуны Карифа категорически отказалась, место на дороге выбрала максимально открытое и предупредила, что уедет, если от «Дога1000» явится больше двадцати человек. Крокодил согласился, судя по всему, ему отчаянно требовалось оружие, и в условленный час команда Амин подъехала к Шампиньи на двух машинах: Карифа и Рейган – в бронированном внедорожнике, недовольный Захар – за рулем полутонного фургона. Недовольный, потому что помимо обычного оружия в кузове лежало пять центнеров пластической взрывчатки, без которой законопослушный директор охранного предприятия «Дога1000» отказывался заключать сделку. Взрывчатка была надежно упакована, фургон обшит листами «синтека» – непрозрачного для полицейских сканеров и пуленепробиваемого, однако все эти меры предосторожности не казались Захару достаточными.

– Где они? – нервно спросил он, останавливая фургон в условленном месте.

– Скоро явятся, – отозвалась Амин, разглядывая первый MRB коммуны, возвышающийся приблизительно в километре от них. На границе Шампиньи была застроена невысокими, в десять-пятнадцать этажей зданиями, и гигантский небоскреб возвышался над ними сказочным великаном.

«Людоедом, – неожиданно подумала Карифа. Почему-то великаны ассоциировались у нее именно с людоедами, о добрых она не слышала. – Все великаны – людоеды, почему MRB должен быть другим?»

Он ведь заглатывает людей, запихивает их в свое бетонное брюхо и переваривает, превращая в замкнутое общество, ограниченное высоченной коробкой или одним этажом высоченной коробки. И даже с ульем MRB не сравнишь: тот вырабатывает мед, а этот – только дерьмо.

– Мы что, приехали слишком рано? – вновь подал голос русский.

– Они задерживаются, – ответил Паркер.

– Почему?

– Проверяют нас.

Вопросы Захар задавал глупые, абсолютно не соответствующие его опыту, однако и Рейган, и Амин терпели, мысленно ставя себя на место коллеги и соглашаясь с тем, что тоже бы дергались за рулем набитого взрывчаткой фургона.

– Они выслали разведывательный дрон, – доложил привычно невидимый Филип. – Машина, зарегистрирована на MS «Дога1000».

– Дрон боевой? – тихо спросила Карифа.

– Официально – нет, но на дополнительной подвеске установлен пулемет.

– Это распространенная практика.

– Согласен.

Четырехмоторная машина плавно облетела остановившиеся автомобили и зависла перед лобовым стеклом внедорожника, считывая лица пассажиров и сверяя их с базой данных. Проверки агенты GS не боялись – их фальшивые личности создавали те же самые люди, которые управляли базой, и вычислить обман Сечеле не мог при всем желании, но вид зависшего боевого дрона слегка нервировал, поскольку если хоть что-то в их поведении покажется Крокодилу подозрительным, он прикажет открыть огонь, а укрыться от выпущенных с близкого расстояния пуль они не успеют.

И потому натянутая улыбка Рейган походила на гримасу, а Карифа нервно барабанила пальцами по бедру.

Они боялись? Да. К смерти нельзя привыкнуть. Достаточный опыт помогает ее избегать, но сейчас даже он не мог помочь, сейчас все зависело от настроения непредсказуемого Крокодила, силящегося понять, кого он видит: честных продавцов краденого оружия или явившихся по его душу агентов? MS, разумеется, имели право приобретать снаряжение на открытом рынке, но перечень разрешенных стволов был строго ограничен, и в нем отсутствовали пластиковая взрывчатка, тяжелые пулеметы и штурмовые боеприпасы, которыми был до отказа забит фургон.

– Как думаешь, дрон оснащен детектором веществ? – негромко спросила Рейган, не сводя взгляд с крылатой машины.

– Нет, – спокойно ответила Карифа.

– Почему?

– Потому что в него встроен пулемет с приличным боезапасом, а одновременно он оружие и сложную аппаратуру не потянет.

– То есть нас ждет личный досмотр?

– Если Крокодил решит, что нам можно доверять.

– Умеешь ты подбодрить друзей.

– Всегда пожалуйста.

– Девочки, я уже могу уезжать? – попытался пошутить Захар.

Ответить Амин не успела: на дороге появился мотоциклист. Рейган прошептала:

– Вторая проверка.

И Карифа с облегчением выдохнула: первая часть операции прошла удачно, их приняли. Сейчас пройдет проверка товара, которую агенты не опасались, а дальше – собственно встреча. Ну а ставить себя перед бандитами и бандитами, называющими себя сотрудниками MS, Карифа умела едва ли не лучше всех.

– Начинаем, – прошептала она, выскользнула из внедорожника, лишь на мгновение приоткрыв тяжелую дверцу, и спокойным шагом направилась к фургону, встретив мотоциклиста у заднего борта.

– Детектор привез?

Тот молча вытащил из седельной сумки черное устройство и кивнул на фургон. Карифа открыла дверь, мотоциклист нажал на одну из кнопок панели, внимательно изучив появившиеся на дисплее показания, что-то пробубнил себе под нос – он находился на постоянной связи с Сечеле, – слез с мотоцикла и заглянул внутрь. Убедился, что фургон заставлен ящиками с армейской маркировкой, сел на мотоцикл и умчался.

Карифа закрыла дверь и прошептала:

– Сейчас явится Крокодил.

И не ошиблась.

Сечеле, разумеется, наплевал на обещание не брать с собой больше двух десятков бойцов и прибыл в сопровождении огромной свиты, однако протестовать Амин не стала: сейчас в этом не было смысла. Она вернулась к внедорожнику, уселась на капот, чуть откинулась назад, приняв независимую и несколько дерзкую позу, и принялась с улыбкой разглядывать выезд директора MS «Дога1000», муниципального, так сказать, служащего.

Выезд выглядел стандартным.

Во главе процессии двигался приземистый армейский броневик-разведчик, быстрый и неплохо защищенный. Как он оказался у Сечеле, оставалось лишь догадываться, но Карифа отметила, что местное отделение GS потеряло контроль за перемещением тяжелой техники. За броневиком ехали два абсолютно одинаковых черных внедорожника с тонированными стеклами, а замыкали процессию два полубронированных пикапа со станковыми пулеметами в кузовах. С флангов конвоем сопровождали боевые дроны, тоже армейские, и их вид окончательно убедил Карифу в том, что французские MS давно и плотно сотрудничают с французской армией.

«Нужно будет расспросить Сечеле о других продавцах, – отметила про себя Амин. – Похоже, они окончательно потеряли страх».

Отметила и тут же выбросила мысль из головы, полностью сосредоточившись на предстоящей встрече.

«Ну что, Дога, пора тебе за решетку...» – улыбнулась агент, гадая, из какого внедорожника появится Крокодил, но тот ее обманул: как оказалось, он ехал в головном броневике, и вышел после того, как его люди оцепили место встречи.

Вышел, одернул блестящий пиджак, заложил руки в карманы брюк и неспешно подошел к Амин, которая по-прежнему сидела на капоте внедорожника. На груди Сечеле позвякивали толстые золотые цепи, руки украшали золотые браслеты и массивные часы, а smartverre блеснул от обилия страз. Или настоящих бриллиантов.

– Павлин, – оценила Рейган, изучив дорогой, но безвкусный наряд директора MS.

– Они все такие, – пробормотал Захар. – Хотят походить на звезд.

– Может, у него было тяжелое детство? – предположил Паркер.

– Не хватало игрушек?

– Он даже не знал, что это такое.

– Судя по тому, что нам известно, игрушками у него были головы врагов, – хмыкнул Захар. Поняв, что стрелять по нему никто не собирается, русский слегка расслабился.

Остальные сотрудники MS были одеты кто во что горазд, в основном отдавая предпочтение добротным штанам-карго из плотной ткани, футболкам и тяжелым башмакам. У всех пистолеты, ручные гранаты и ножи. У половины – штурмовые винтовки, у остальных – укороченные автоматы.

– Двадцать четыре человека, два боевых дрона, два станковых пулемета, – перечислила Рейган, которой болтовня не мешала исполнять прямые обязанности.

– Принято, – отозвался Паркер. – Командир спецов распределяет цели.

MS официально имели доступ к полицейской информации соседних территорий, поэтому операцию по поимке Крокодила засекретили на федеральном уровне. Спецназ Оперативного отдела взял место встречи в большую петлю, которая теперь начала затягиваться, лишая бандитов даже призрачных шансов на спасение. Боевые дроны GS, определяемые в сети как рекламные и маркетинговые, медленно снижались, выписывая над местом встречи постепенно уменьшающиеся круги, выдвинулись спецы – оперативные агенты, подготовке которых могли позавидовать отборные армейские подразделения, но главная роль – захват цели – все равно отводилась Карифе.

– Женщина, да? – с усмешкой поинтересовался Сечеле, делая вид, что не знал, кто выступает продавцом.

Бойцы заулыбались. Не те, что стояли в оцеплении, – те продолжали настороженно озираться, а окружавшие директора телохранители. Они заулыбались и даже позволили себе несколько хамоватых высказываний в адрес Амин, но молодая женщина осталась спокойна. Она знала, что так будет, и терпеливо ждала продолжения разговора.

– Ты продаешь оружие? – поинтересовался Крокодил, и при первых звуках его голоса телохранители дружно смолкли.

– Да, – кивнула Карифа.

– Ты не похожа на тех, кто продает оружие.

– Поэтому меня не останавливают на улицах.

– Я бы остановил, – признался Сечеле.

Телохранители вновь заулыбались, но на этот раз обошлись без замечаний, несмотря на то что намек получился прозрачным. Бойцы поняли, что разговор постепенно становится серьезным, и больше не мешали вожаку.

– Я редко выхожу на улицу, и там бы мы точно не встретились... – Карифа соскользнула с капота, сделала маленький шаг к Крокодилу и улыбнулась: – Мне нравятся комплименты, но еще больше – золото. Давай говорить о делах.

– Может, переместимся в машину? – Сечеле кивнул на внедорожник. – Не люблю говорить о делах у всех на виду.

– Если я соглашусь, твои ребята могут неправильно истолковать происходящее.

– Тебе понравится, – пообещал Крокодил.

– Мое время дорого, мой товар – отличный, и сейчас на него большой спрос, – прохладно произнесла Амин. – Я приехала, чтобы заключить сделку, а не перебрасываться с тобой шуточками. Если товар нужен – давай говорить, если нет – мы расстаемся.

– Почему ты решила, что сможешь уйти? – неожиданно резко спросил Сечеле.

– Почему ты решил, что сможешь меня остановить? – в тон ему ответила Карифа.

– Вас всего трое.

– Все так говорят.

– Кто «все»? – нахмурился Крокодил.

– Все клиенты, с которыми я встречаюсь в первый раз, – ответила Амин, отметив, что француз не такой смелый, каким прикидывается. – Они все думают, что я впервые иду на сделку.

– А ты, типа, опытный менеджер?

– Я до сих пор жива.

– Это аргумент, – признал Сечеле. Судя по изменившемуся тону, он решил, что Карифа заслуживает доверия и с ней можно иметь дело. – Ты действительно смелая, такая, как о тебе говорили.

– Слухи бывают честными, – улыбнулась Амин.

– Откуда у тебя оружие?

– С армейских складов.

– Мои прошлые поставщики тоже работали с военными, но их арестовали, – произнес Крокодил и замолчал, выразительно глядя на женщину.

– И что? – поинтересовалась агент, позволив паузе немного затянуться.

– Почему твои военные не боятся ареста?

– Потому что я работаю не с французской армией. Здесь GS лютует, в Германии тоже, а вот в Польше, откуда я везу груз, все очень спокойно и продуктивно.

– Польша... – француз наморщил лоб. – Это недалеко от Италии?

– На другом берегу, – кивнула Амин. – Оружие качественное и чистое: серийные номера удалены профессионалами, так что ни один ствол не отследить.

– Сейчас это не важно, – махнул рукой Крокодил.

– Это всегда важно.

– Не сейчас, – повторил Сечеле.

– Почему?

– Ты действительно не знаешь? – Но прежде чем Карифа задала наводящий вопрос, Крокодил закончил: – Орк идет.

– Орк? – Карифа настолько растерялась, что не удержалась от глупого вопроса: – Как в книге?

– В какой книге? – теперь растерялся бандит.

– Какой Орк, Сечеле? – опомнилась Амин и, поняв, что следует быть проще, закончила: – Мы не в компьютерной игре.

– Его зовут Орк, а больше о нем никто ничего не знает, – медленно ответил Крокодил, у которого вновь появились сомнения.

– Ты серьезно?

– Серьезно что?

– Ты говоришь о персонаже из компьютерной игры? – Амин поняла, что сглупила, но решила не сглаживать ситуацию, а вывести как можно больше – поскольку спецы уже вышли на исходные позиции. – У авторитетного и делового человека не может быть такого глупого псевдонима.

– Имя не имеет значения, – махнул рукой Сечеле. – Приближается большое зло.

– Так вот зачем тебе оружие – чтобы служить Орку?

– Почему ты задаешь столько вопросов, женщина? – прищурился Крокодил. – Ты из полиции?

– Нет, из GS!

И вот тут Карифа едва не погибла. Она рассчитывала на эффект неожиданности, планировала, что внезапным признанием выиграет хотя бы секунду, но Сечеле схватился за пистолет до того, как агент закончила короткую фразу. И даже выстрелил, но пуля ушла в сторону: Амин прыгнула, повалила Крокодила на землю, опутав руками и ногами, и вместе с ним ска-

тилась в канаву. А оказавшись на дне, левой рукой сдавила Сечеле горло, а правой выхватила маленький шприц и сделала инъекцию, отправив директора MS «Дога1000» в глубокий сон.

– Засада!

– Засада!!

Телохранители среагировали на пару мгновений позже Крокодила, вскинули автоматы, но стрелять не стали, побоялись попасть в Сечеле, и потеряли несколько драгоценных секунд. И жизни тоже потеряли, оказавшись под перекрестным огнем с земли и воздуха. Упали горящие дроны Крокодила – они стали первой целью для машин GS, а в следующее мгновение воздух наполнился пчелиным роем жужжащих пуль: спецы и дроны обеспечили такую плотность огня, какую бандиты из MS «Дога1000» даже представить не могли. Одиннадцатимиллиметровые пули рвали людей Крокодила на куски, возникла паника, воспользовавшись которой Рейган резко надавила на акселератор и выехала вперед, прикрыв бронированным внедорожником Карифу, а Захар не менее резко включил задний ход, торопясь вывести фургон из зоны поражения.

С броневики MS ударил пулемет, его поддержали пикапы, сосредотачивая огонь на внедорожнике, в котором укрылась матерящаяся Рейган, но в их сопротивлении не было никакого толку: бандиты были обречены. С востока уже зашел десантный вертолет, броневики подожгла выпущенная спецами противотанковая ракета, боевые дроны превратили пикапы в решето, бандиты принялись разбегаться, напроочь позабыв о взятом в плен главаре, и именно в этот момент...

Проведенное позже расследование не дало однозначного ответа на вопрос, что стало причиной детонации: случайная пуля, выстрел из гранатомета, которым боевики пытались остановить бронетранспортер GS, или неверно наведенная дроном ракета. Но что бы ни стало причиной, результат оказался страшным: пятьсот килограммов пластиковой взрывчатки громыхнули, заставив задрожать Шампиньи, и разметали всех участников перестрелки: и людей, и машины. Ударная волна развернула бронетранспортер, бросила внедорожник Рейган на остатки пикапов, швырнула вертолет на линию электропередачи, опрокинула на землю и вызвала второй взрыв.

Жуткое эхо дрожало в воздухе несколько секунд, но наступившая затем тишина продержалась дольше. И лишь через минуту, не меньше, с земли начали подниматься первые люди.

– Что случилось?

– Фургон!

– Центр, нам нужна поддержка!

– И санитары!

– ...и санитары! Срочно!

– Отыщите агента Амин!

– Вызовите подкрепление!

Первыми пришли в себя спецы GS и, будучи людьми военными, то есть дисциплинированными и приученными следовать приказам, продолжили выполнение боевого задания.

– Агент Амин!

– Я здесь!

Карифа встала на четвереньки, потрясла головой, избавляясь от мерзкого звона, прижала палец к сонной артерии Сечеле, убедилась, что бандит жив, и только после этого поднялась на ноги. Не очень уверенно.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился подошедший спец.

– Нормально. – Канавка стала для Амин хорошим укрытием, однако звон в ушах не проходил и руки изрядно дрожали. – Что это было? Бандиты сбили вертолет?

– Вертолет тоже сбит, – кивнул спец. – Но сначала взорвался фургон.

«Захар!»

Карифа закусила губу.

– Ваш человек не выжил, – тихо сообщил спец, не дожидаясь вопроса.

– Понятно. – Амин пошатнулась, но через мгновение вернула себе и равновесие, и твердость голоса: – Заберите Сечеле, но никому не показывайте: официально он погиб при взрыве.

– Слушаюсь.

– Бандитов не преследуйте, другие пленные мне не нужны.

– Слушаюсь.

– Займитесь нашими людьми.

Карифа выбралась из канавы, долго, почти полминуты смотрела в сторону гигантской воронки, появившейся на месте фургона, но не пошла, отвернулась – в этот момент спецы как раз помогли Рейган выбраться из искореженного внедорожника, – перевела взгляд на стоящих на коленях боевиков, с трудом стряхнула накотившее желание перебить всех и подошла к красноволосой.

– Ты как?

– Жива. – Рейган отмахнулась от спецов и посмотрела Карифе в глаза: – Захар?

– Нет.

– Дерьмо.

«Да, дерьмо».

Карифа закрыла глаза и сглотнула, надеясь избавиться от звона.

В сотне метров к северу догорал десантный вертолет.

* * *

NY, Long Island

– Как стало известно, грандиозный взрыв, прогремевший в предместье Парижа и вызвавший панику среди жителей столицы, произошел в ходе полицейской операции против одного из крупнейших мафиозных кланов Франции – группировки Сечеле Дога по прозвищу Крокодил, которая базировалась в Шампиньи, но раскинула свои грязные щупальца по всей стране...

«И ни слова о том, что до вчерашнего дня “группировка” представляла собой MS “Дога1000”, – с улыбкой подумала Эрна. – Журналисты не зря едят свой хлеб».

Она прекрасно знала законы подачи информации, считала их правильными, часто использовала в своих интересах, но лицемерие медиаслужащих иногда вызывало у Эрны брезгливость. Впрочем, не в этот раз, поскольку сейчас журналисты все сделали правильно: не могли же они сообщить добропорядочным гражданам, что спецназ Оперативного отдела разгромил зарвавшуюся MS?

– Как сообщает пресс-служба европейского бюро GS, агенты под прикрытием пытались перехватить крупную партию польского оружия, предназначенного для отъявленных головорезов Шампиньи, но, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением, понесли потери и вызвали подкрепление. В ходе последовавшего столкновения было уничтожено до тридцати бандитов, включая главаря преступного клана – Сечеле Дога, и захвачена штаб-квартира банды. По распоряжению властей, в коммуну Шампиньи вошли подразделения MS «Charlemagne»...

Эрна сделала громче: именно сейчас в сообщении должно было прозвучать самое для нее интересное. Жест не имел смысла: изображение молодая женщина видела на экране планшета, а звук поступал через вживленные в ухо динамики и с самого начала был выставлен на комфортный уровень – Эрна не пропустила бы ни слова, но жест показал, насколько важной была для нее новость из Франции.

– Нас беспокоит стремительно нарастающий по всему миру уровень бытовой и криминальной агрессии, – с печалью произнес диктор, но в следующую секунду в его голосе появилась твердость. – Но еще больше нас настораживает тот факт, что полиция и GS отказываются

комментировать слухи о таинственном Орке, с которым в мегаполисах связывают захлестнувшую улицы волну насилия. Нам неизвестно, человек это или организация, существует он на самом деле или является высокочеловеческой сетевой мистификацией; мы знаем одно: Орка ждут и ждут со страхом. А силы правопорядка молчат. Что нам думать? Мы хотим услышать внятный ответ от тех, кому вверили заботу о своей безопасности...

– Началось, – едва слышно пробормотала Эрна, отключая новости, – она услышала все, что хотела.

До сих пор Орк оставался сетевым мемом, слухом, летающим от дилера к дилеру, от главаря одной MS к главарю другой и очень медленно, постепенно проникающим в мир простых людей, причем именно как слух, выдумка, городская страшилка. Однако теперь все изменилось: имя произнесено на одном из крупнейших информационных каналов планеты, в самой рейтинговой программе новостей, а значит, согласно законам подачи информации, имя обрело плоть истины.

Слово брошено в народ.

И слово это – Орк.

– Началось...

– Вы что-то сказали, мисс? – предупредительно поинтересовался пилот.

– Нет, Гарри, – улыбнулась Эрна. – Ничего.

– У вас все в порядке?

– В полном.

– Подлетное время – четыре минуты.

– Прекрасно.

Вертолет заходил на Лонг-Айленд со стороны океана, по дальнему маршруту, но Гарри всегда делал крюк, чтобы Эрна могла насладиться чарующим видом поместья: два дома в викторианском стиле, с колоннами и увитыми плющом фасадами – большой, хозяйский, и гостевой, двухэтажный, всего на двадцать четыре спальни; три бассейна и прогулочный канал, два теннисных корта, конюшня, поле для гольфа... Сколько упоительных минут провела она тут в детстве. В прекрасном и уже столь далеком детстве.

Эрна не считала себя сентиментальной, но вид родового гнезда всегда вызывал у нее прилив теплых чувств. Наверное, потому, что только их она по-настоящему любила: старый дом и его владельца.

Который как раз дал о себе знать.

– Милая, ты далеко? – спросил отец по сети.

– Буду через десять минут, папа, – ответила на вызов женщина и поправила smartverre.

– Ты ужинала?

Он всегда проявлял подобную заботу, до сих пор считал дочь маленькой, не способной позаботиться о себе девочкой. Но Эрна не обижалась, понимая, насколько важны для отца эти глупые на первый взгляд вопросы.

– Да, папа, я ужинала.

– Хочешь искупаться?

– Очень.

– Тогда жду тебя у любимого бассейна.

– Хорошо.

Эрна отключила связь, улыбнулась и стала снимать украшения, чтобы, оказавшись у бассейна – от вертолетной площадки ее домчит электрокар, – с визгом броситься с бортика в воду. Как была – в одежде, деловом костюме, блузке и туфлях, наплевав на идеальный макияж и элегантную прическу. Броситься с бортика в воду, нырнуть до глубокого дна, задержаться и задержать дыхание, наслаждаясь ощущением давящей воды, резко всплыть, фыркнуть, рассмеяться, сбросить жакет, блузку и юбку, оставшись лишь в чулках и белье, поскольку туфли

соскользнули еще раньше, перевернуться на спину и добраться до противоположного бортика, улыбнуться сидящему в кресле отцу, вновь нырнуть, проплыть под водой почти весь бассейн, вернуться обратно, выбраться, смеясь от наслаждения, вытереться поданным полотенцем, закутаться в халат и усесться в соседнее кресло.

Что может быть лучше в конце длинного, полного событий дня, чем немного веселого безумия? Совсем чуть-чуть...

Эрна обожала дурачиться, но только здесь, дома, нигде больше. В поместье молодая женщина дурачилась по-настоящему, как в детстве: прыгала в бассейн одетой, дралась подушками, лазала по деревьям... Ее мать умерла, когда Эрне было всего девять, отец так и не женился, не привел в дом чужую женщину и отыскал в своем безумно плотном графике время для дочери: читал ей книги, учил плавать, кататься на велосипеде и... дурачиться, сбрасывая накопившееся напряжение.

– Привет! – прошептала Эрна, плюхаясь в кресло.

– Привет, милая, – кивнул в ответ отец.

– Мне хорошо.

– Я рад.

– Ты подарил мне целый мир.

– Мы вместе его создали.

– Я прячусь в наш дом, как в Нарнию.

– Неужели за пределами Лонг-Айленда так плохо?

– Нет, просто здесь слишком хорошо.

Она потянулась в сладкой истоме. Он улыбнулся. Ему тоже было хорошо.

Б.Б. Феллер выглядел на удивление молодо: гладкая, свежая кожа, морщины на лице исключительно от улыбок – вокруг глаз, пышные волосы черны как смоль – и благодаря краске налет благородной седины лишь подчеркивает их блеск и силу. Б.Б. дышал мощью мужской зрелости, выглядел на сорок, максимум на сорок пять, и никто бы не подумал, что красивая тридцатилетняя женщина – его дочь.

– Как прошла поездка в Европу?

– Прекрасно.

– Развлеклась?

– Их ночные клубы по-прежнему лучшие в мире, – мягко ответила Эрна, глядя на гладь бассейна. – Европейцы сотни лет культивировали извращения, их мастерство недостижимо.

– Я ведь просил не дразнить меня подобными выражениями, – напомнил Феллер.

– Извини, папа.

– Я не ханжа, я прекрасно понимаю, что ты сама выбираешь себе развлечения, но не хочу тратить время на их обсуждение, – спокойно продолжил Б.Б. – Мы не настолько часто видимся.

– Увы.

– Согласен: увы.

Интересы Феллера простирались по всему миру, и в последние годы он все больше и больше привлекал к своим делам Эрну, постепенно передавая ей бразды правления империей. Это было умно и правильно, однако платой стали дни и даже недели, в течение которых отец и дочь не виделись, а иногда даже не разговаривали.

– Ты слышал новости?

– Нет.

Он явно солгал, но только чтобы сделать дочери приятное: позволить рассказать важную информацию.

– NYT наконец-то заговорил об Орке!

Б.Б. выдержал паузу и поинтересовался:

– Началось?

В точности повторив реплику, которую Эрна произнесла в вертолете.

– Они больше не смогут его игнорировать, – кивнула молодая женщина.

– Значит, началось.

– С завтрашнего дня я подключу блогеров и остальные новостные ленты.

Б.Б. вздохнул. Не горестно, нет, а как человек, который ждал чего-то не очень хорошего, но неотвратимого, не очень рад случившемуся, но понимает, что иначе быть не могло.

– Ты расстроился? – удивилась Эрна.

Лгать не имело смысла.

– Немного, – кивнул Феллер.

– Но почему?

– Потому что... – Он перевел взгляд на океан, который постепенно исчезал в наползающей тьме, и негромко произнес: – Я... кажется, я рассказывал, что в юности увлекался архитектурой? В далекой юности: когда заканчивал школу и был вполовину младше тебя.

– Невежливо напоминать женщине о возрасте, – улыбнулась Эрна.

– Для меня ты навсегда останешься маленькой девочкой, – мягко отозвался Б.Б. Помолчал и продолжил: – В те годы меня завораживало мастерство людей, умеющих творить великое из глупого камня, мешков с особой пылью, стекла, стали и воды. Я был очарован... я до сих пор очарован этим волшебством. Я восхищаюсь людьми, способными представить образ грандиозного собора задолго до того, как он поднимется к небу. И не просто представить, а удерживать в голове, создать чертежи и заставить рабочих воплотить свой замысел. Нам говорят, что в далекие времена люди были темными и необразованными, а я смотрю на Notre-Dame de Paris, заложенный еще в первом тысячелетии, и думаю о том, что тогда, среди дикости и тьмы, при полном отсутствии серьезных знаний и наук, отыскался человек, способный представить эту красоту, человек, чье развитие обгоняло современников на сотни лет. Я завидовал таким людям, но архитектором не стал... – Последовала еще одна пауза. – Знаешь, почему?

– Об этом ты не говорил, – тихо произнесла Эрна.

– Моему отцу очень понравилась история о парижском соборе, – продолжил Б.Б., по-прежнему глядя на океан. – Он согласился с моими доводами, посмотрел наброски и чертежи и искренне ими восхитился. Когда отец перебирал работы, я видел слезы на его глазах. Он сказал, что у меня талант, сказал, что окажет любую поддержку, если я решу посвятить себя строительству... А потом спросил, кто велел тому архитектору построить Notre-Dame. И я задумался.

– Дед был умен, – прищурилась Эрна.

– Да... – Б.Б. немного нервно провел ладонью по бедру. Чувствовалось, что история до сих пор его задевает. – Воплотить замысел в камне – это великое искусство, воплотить замысел в истории – бесценно, почти невозможно. Архитектор выстроил грандиозный, поразительной красоты собор, но был человек, который приказал ему это сделать. Человек, который смог увидеть и грандиозность строения, и его смысл. Был человек, чье восприятие мира опережало не только современников, но саму историю. Был человек, который строил не град, но мир, что есть высшая форма архитектуры. Был человек, который строил будущее из настоящего.

– Как ты сейчас, – прошептала Эрна.

– Как мы, – эхом уточнил Б.Б.

– Моего труда вложено значительно меньше.

– Главное, что работаешь, учишься. И скоро превзойдешь меня.

– Не уверена, что в будущем, которое ты придумал, потребуется что-то менять. Ты – гений.

– Мне очень приятно слышать подобные слова от тебя, милая, но жизнь – это вечные перемены, без них все мертво.

– А я считаю, что ты придумал идеал.

Феллер наконец-то отвлекся от океана, с легкой улыбкой посмотрел на дочь – в его улыбке Эрна уловила едва различимую грусть, – и тихо заметил:

- Придумать мало, нужно воплотить идеал в истории, как храм – в камне.
- Воплотим, – уверенно пообещала молодая женщина. – Как раз начали.
- Да, – согласился Б.Б. – Начали.

С океана прилетел прохладный ветерок, однако отец и дочь не спешили покидать кресла, как будто опасаясь, что в гостиной их разговор не получится столь доверительным и теплым. Не хотели рассеивать чарующий туман, который окутал их при встрече и до сих пор не оставлял.

Феллер поймал себя на мысли, что готов сидеть рядом с дочерью сколько угодно, хоть час, хоть день, но... Но следующим вопросом испортил разговор.

Впрочем, он не мог его не задать.

– Видела кого-нибудь в Европе? – поинтересовался Б.Б., постаравшись, чтобы вопрос прозвучал небрежно.

– Кого? – уточнила Эрна, хотя прекрасно понимала, о ком спрашивает отец.

– Кого-нибудь.

– Спроси у телохранителей.

– Ты исчезла из их поля зрения на целую ночь.

– Я не в состоянии обмануть современные системы слежения и твою маниакальную заботу о моей безопасности, – рассмеялась молодая женщина.

– Мы оба знаем, что ты умеешь обходить систему безопасности, – улыбнулся Феллер. Но улыбнулся делано, лишь раздвинув губы, после чего спросил: – Видела его?

И чарующий туман стал стремительно рассеиваться. Как будто прохладный ветер с океана уносил его прочь, разрывая на призрачные куски.

– Да, видела, – ответила Эрна.

Ответила и отвернулась. Она прекрасно управляла своим лицом, чтобы допустить на него ненужные чувства, но не хотела смотреть на отца. Эрна надеялась, что Б.Б. услышит намек в ее тоне и прекратит расспросы, но тот не остановился.

– И что?

– Ничего.

– Ты с ним была в ту ночь?

– Отец! – Она не собиралась говорить ни «да», ни «нет», она показала, что в своих расспросах он заходит слишком далеко.

И Феллер услышал намек.

Вздрогнул, потер лоб, словно вырываясь из секундного забытья, из наваждения, заставившего его задавать дочери унижительные вопросы, и очень искренне произнес:

– Пожалуйста, извини, я не должен был спрашивать. Я... я немного горячусь, когда разговор заходит... В этом направлении... Ты знаешь.

– Знаю, – ровно подтвердила Эрна. – А ты знаешь, что я не злюсь. Я не умею на тебя злиться. – Она выдержала короткую паузу и закончила: – Что бы ты ни сделал.

То был не удар, но укол, правда – в самое сердце. И сердце Феллера заныло.

– Я не должен был ни о чем спрашивать, – повторил он, с тоской понимая, что их чудесный разговор безнадежно испорчен и нужно идти в дом, а в гостиной... в большой гостиной они будут сидеть в пяти ярдах друг от друга и говорить ни о чем. В лучшем случае – о делах.

Феллер думал, что хуже не будет, но через секунду дочь неожиданно попросила:

– Прости его.

И сердце Б.Б. сжалось.

– Эрна?! – он сделал вид, что удивлен.

– Я знаю, что мы договорились не возвращаться к этой теме, – торопливо, пока отец не попросил замолчать, проговорила женщина. – Я знаю, что нарушаю слово, но не могу... Я не могу! Пожалуйста, прости его.

– В моем сердце нет зла.

– Мы оба знаем, что это не так.

– Он сумасшедший, – попытался отмахнуться Б.Б., но не получилось.

– Ты свел его с ума, – резанула Эрна.

– Он рехнулся еще при рождении!

– Но он был тихим сумасшедшим! Тихим, умным и спокойным. Он ел с моих рук, делал все, что я просила, а ты... ты решил его убить.

– Мы оба знаем, что я должен был так поступить, – прорычал Феллер. – Я никогда не прощу ему сделанного.

И так ответил на просьбу дочери.

Сейчас его сердце не болело.

Эрна подалась вперед, пронзительно посмотрела на отца и отчеканила:

– Меня все устраивало.

– А меня – нет, – яростно ответил Б.Б.

– Почему?!

– Потому что он не имел права так поступать.

– Таким было мое желание!

Несколько секунд Феллер продолжал буравить дочь взглядом, затем вновь отвернулся к океану. Но не в сентиментальной задумчивости, как несколько минут назад, а борясь со злобой.

Плох тот разговор, в котором собеседники то и дело стараются не смотреть друг на друга. Плох и печален.

– Я возвращаюсь в Нью-Йорк рано утром, – ровно произнесла Эрна. – Ты еще будешь спать.

– Я поступил так, как считал правильным, – угрюмо ответил Б.Б.

Разговор закончился. Феллер поднялся, показывая, что нужно идти в дом, Эрна последовала его примеру, но удержала отца за локоть, не позволив сделать шаг, и спросила:

– А если я скажу, что люблю его? По-настоящему люблю?

– Не рви мне душу, – попросил Б.Б.

– Люблю больше всего на свете, – продолжила Эрна, словно не услышав. – Люблю так, что кружится голова. Люблю так, что готова умереть. Люблю...

– Ты ему говорила? – спросил Б.Б., повернувшись и посмотрев дочери в глаза.

Эрна закусила губу.

Кивнула сначала, но неуверенно, потом поняла, что у нее есть шанс спасти разговор, сделать его честным, каковыми в итоге оказывались все ее разговоры с отцом, и вздохнула:

– Я хотела сказать... Но не смогла.

– Почему?

Она помолчала, а затем ответила, впервые за много лет по-настоящему напугав отца. Она сказала:

– Потому что теперь я его боюсь.

И Б.Б. Феллер похолодел.

AP: «Тревога в крупнейших аэропортах планеты!»

NBC News: «Что происходит? Все самолеты, вылетевшие сегодня днем из Хитроу, задержаны в пунктах назначения...»

BBC: «Премьер-министр заявила, что ситуация находится под контролем, однако отказалась ответить на вопрос, когда будет снята блокада самого большого терминала Хитроу...»

Deutsche Welle: «Тревогу объявили после того, как несколько пассажиров рейса Лондон – Берлин во время полета пожаловались на недомогание: высокая температура, тошнота и сильное головокружение. Командир экипажа доложил о происходящем на землю, после чего выяснилось, что аналогичные сообщения приходят со всех пассажирских самолетов, вылетевших из Хитроу в промежутке между одиннадцатью утра и часом дня по Гринвичу...»

CNN: «Все самолеты, вылетевшие сегодня днем из Лондона, блокированы в пунктах назначения. Развернуты полевые госпитали, однако ни WHO, ни GS пока не выступили с официальными разъяснениями...»

LeikaLook: «Думаю, они мертвы. Мои дроны непрерывно наблюдают за самолетом, который прилетел в JFK, и я готов поклясться, что из него не вывели ни одного пассажира. Через четыре часа карантин самолет заперли в ангаре, в который чуть раньше доставили дезинфекционное оборудование...»

* * *

Paris, quai d'Orleans

Париж?

Это Эйфелева башня, но только издали, потому что она стоит по колено в туристах. Это золотой купол гробницы великого императора и воспетый великим писателем собор. Шуршащие под ногами листья, вокзалы, переделанные в музеи, разграбленные дворцы и малюсенькая чашечка кофе за уличным столиком. Чашечка кофе, старомодная газета и новомодное курительное устройство.

Столики такие маленькие, что на них помещаются лишь чашечка кофе и блюдце с круасаном, поэтому газеты лежат на коленях. Их мало кто читает – важен сам факт: ты сидишь за столиком на тротуаре с газетой и кофе, упираешься локтем в локоть соседа и смотришь прямо перед собой.

И молчишь.

Однажды Орк решил обойти такое кафе по мостовой, а на полпути бросил взгляд на сомкнутый ряд сидящих за столиками парижан. Не шевелящихся. Абсолютно одинаковых. Совпало так, что в это мгновение никто из них не пил и не читал газету, а их пустые взгляды были устремлены на проезжающие робомобили.

Орк остановился и стал смотреть в ответ.

Не дразнил, нет, а боролся с охватившим его страхом. Не решался повернуться спиной и не хотел бежать, потому что принял вызов. В итоге справился: выдержал их взгляды, медленно продолжил свой путь, но в тот момент Орк поверил, что город захватили медузы, и Париж надолго стал для него табу.

С годами дурацкое наваждение рассеялось. Чарующий флер бульваров поглотил наложенное заклятие и мягко убедил подружиться вновь. Тем более что медуз в Париже оказалось ненамного больше, чем в других городах.

Орк не сопротивлялся, он тоже скучал и потому приехал, но чувствовал, что в Париж его тянуло не только желание заглянуть в Оперу и полюбоваться «Джокондой». Город колдовской любви манил затосковавшего Орка томительным предчувствием Встречи и не обманул: словно извиняясь за дурацкую сцену с медузами, Париж подарил Орку одно из своих сердец. А словно смеясь – сделал это за столиком уличного кафе на Орлеанской набережной, за крайним столиком, до которого не часто доходил официант. За маленьким столиком, на котором с трудом поместились чашечка кофе и старомодная бумажная книга. И девушка за столиком,

желающая казаться такой же старомодной: в берете, больших очках и легком летнем платье, оставляющем открытыми загорелые ноги. Девушка с пухлыми губами и тонким лицом. Темная шатенка с озорным взглядом и родинкой на левой щеке. Красавица с глазами... С огромными глазами... Когда она снимала smartverre – мир переворачивался перед ней уличным арлекином, стараясь отразиться в ее глазах во всей красе. Стремясь понравиться и заслужить улыбку.

Прекрасная девушка в коротком платье.

И ничего удивительного в том, что сидящие за соседним столиком крепьши обратили на нее внимание: сначала ощупали взглядами, немного подождали, убедились, что незнакомка одна, и предложили развлечься.

– Можно прямо в машине, видишь тот черный фургон? Это наш, а внутри побывало много белых подруг, и всем понравилось.

– Некоторые даже плакали от счастья.

Девушка старалась не обращать внимания на подначки, но парни не унимались, и никто не мог с уверенностью сказать, чем все закончится. Возможно, они посмеются и отправятся по своим делам. Возможно, покинув кафе, девушка действительно окажется в фургоне, а потом, плачущая, на тротуаре, не в силах вспомнить ни номер машины, ни лиц насильников. Да и кто поверит, что было насилие? За нормами нравственности в IV округе следили не менее жестко, чем в I, и любой судья при виде короткого платья скажет: «Провокация!» Так что единственная надежда девушки – на своих. Но семьи у белых маленькие, а кланами они жить отвыкли.

– У нас мало времени, поедem, поскрипим рессорами?

– Познаешь настоящих мужчин.

– Тебе ведь нравится сила?

Девушка хотела уйти, но не решалась, а не обращать внимания на развеселившихся парней становилось все труднее, и тогда Орк уселся за ее столик, выдержал коротенькую паузу на тот случай, если девушка потребует объяснений – к счастью, ей хватило ума промолчать, – после чего медленно, как будто только что понял, что рядом кто-то есть, повернул голову к соседям. Трое. Их всегда не меньше трех – только в стае молодняк чувствует себя уверенно, – и оставался один вопрос: уличные отморозки или воспитанные болтуны из благополучных семей? Как выяснилось через секунду, воспитанные болтуны – при виде Орка парни замолчали и отвели взгляды. Таковы правила: если женщина под защитой, она – табу. Можно, конечно, попытаться силой убрать защитника, но так поступают лишь уличные отморозки. А конкретно с этим защитником – небритым, недружелюбным, но мускулистым, загорелые лапы которого густо покрывали татуировки, – вряд ли согласились бы связаться и отморозки.

Парни расплатились и покинули кафе. Орк жестом подозвал официанта, а отпустив его, наконец-то посмотрел на девушку:

– Зачем вы здесь одна?

– Простите? – удивилась незнакомка, легким касанием делая стекла smartverre прозрачными.

– Лучше снимите их, – попросил Орк. – Мне нравятся ваши глаза.

Она смутилась, но взяла себя в руки. Подумав, подчинилась – убрала smartverre в футляр, но тут же попыталась перейти в наступление:

– Почему вы задали тот вопрос?

– Нет подруги, нет друга, брата или отца... – перечислил Орк, глядя в зеленые глаза незнакомки. – Вы здесь совсем одна, и я не понимаю – зачем?

– Зашла выпить чашечку кофе.

– И немного поскучать?

– Я люблю смотреть на реку.

– Живете неподалеку?

– Закончила Сорбонну и еще не переехала. – Она нежно прикоснулась пальцами к книге. – Не могу оставить любимый район.

И улыбнулась медлительной Сене. Сена блеснула в ответ.

– Но почему вы одна?

– Раньше мы ходили сюда компанией, но после выпуска все разлетелись. Мой друг в Марселе, и мы... мы больше не друзья... – Она вновь прикоснулась к книге. – Вы правы, я должна была понять разницу между студенческой компанией и одиночеством, но до сих пор подобных инцидентов не случалось.

– Вам везло.

– Возможно.

Они помолчали.

Девушка смотрела на Сену, Орк – на шпиль старого собора. Могло показаться, что все закончилось, но они понимали, что встреча едва началась.

– Я тоже надеялась на их воспитание, – тихо сказала девушка, показав, что правильно истолковала случившееся.

– И поэтому молчали?

– Они должны были остановиться.

– Видимо, вы им сильно понравились.

– А вам?

– Безусловно, – ответил Орк, глядя девушке в глаза. И он не считал нужным это скрывать. Нет, он считал нужным об этом заявить.

Она улыбнулась и поправила выбивающиеся из-под берета волосы, изо всех сил стараясь скрыть растерянность. Он смотрел на нее не отрываясь. Пауза затянулась, и первой сдалась девушка:

– Обычно мужчины теряются, услышав прямой вопрос.

– Все?

– Все.

– Значит, вы ни разу не задавали прямого вопроса мужчине, – спокойно произнес Орк. – Мне повезло оказаться первым.

– Да, вы не растерялись.

– Вы прекрасно знаете, что удивительно красивы.

– И едва не поплатилась за это.

Она думала, ему будет приятно поговорить о героизме, но он, как выяснилось, не собирався обсуждать сбежавших при его появлении парней.

– Я обратил внимание на книгу. Интересная?

– Я составила ее сама, – улыбнулась девушка. – Это сборник поэтов, признающих в любви к Парижу. Или просто: написавших о Париже. Поэты разные, непохожие друг на друга, но их страсть очевидна, а найденные слова – прекрасны. Моему городу нравится слушать оды в свою честь.

– А вам нравится читать откровения.

– Конечно.

– Прочтите что-нибудь, – попросил Орк.

– Вам все равно кого?

– На ваш вкус.

– Вам интересно, что мне нравится?

– Хочу узнать вас ближе.

– Что может быть ближе имени?

– Меня зовут Бенджамин.

– Вы не такой, каким хотите казаться.

– Что вы имеете в виду? – Но очень короткая пауза показала, что Орку интересен вопрос.
– Вы грубы сознательно, не по воспитанию, – ответила девушка. – Вы знаете разницу между тем, кто вы и кем хотите казаться. Разница вам не нравится.

Он выпил кофе – одним глотком, и запил холодной водой. Чуть склонил голову, показав, что восхищен услышанным, но продолжил разговор в прежнем ключе:

– Поэзия делает вас проникательной?

– Поэзия позволяет заглянуть в душу. – Она решилась: – Меня зовут Беатрис.

Орк с неимоверной нежностью пожал тонкую руку девушки.

– Мне очень приятно.

– Все еще хотите слушать стихи?

– Безусловно.

Беатрис взяла книгу, мягко провела пальцами по обложке, очевидно раздумывая, что выбрать, улыбнулась, раскрыла книгу и негромко прочитала:

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас.
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз...⁹

Слова прозвучали, но за столиком еще долго висела тишина. Они смотрели на медленную Сену, на дома, людей, шпиль старого собора и молчали. То ли собираясь с мыслями, то ли переживая совпадение слов с миром, то ли просто наслаждаясь тем, что сидят рядом. Потом Беатрис положила книгу на малюсенький столик, на котором было место лишь для нее и чашечки кофе, а Орк мягко накрыл ее руку своей.

– Кто написал эти строки?

– Одна русская.

– Мне понравилось.

– Любите поэзию?

– Нет.

– Может, вы никогда ее не читали?

– Читал, но... предпочитал прозу. – Он грустно улыбнулся. – А сейчас жалею об этом.

– Почему?

– У нас было бы больше тем для разговора.

– Я могу рассказывать о своих любимых поэтах, – девушка смело посмотрела Орку в глаза. – Их так много, что мы можем говорить вечно.

– Вы верите в вечность?

– А вы?

– Только вместе с вами.

Беатрис помолчала, переведя взгляд на накрывшую ее руку кисть Орка – грубую и твердую, похожую на руку дровосека, – после чего тихо сказала:

– Вы были здесь вчера.

⁹ Марина Цветаева, «В Париже».

Твердая ладонь не дрогнула, а чуть сильнее надавила на руку девушки. Как будто Орк испугался, что Беатрис собирается бежать.

– Я сидел у дверей кафе, но не подошел.

– Почему?

– Вчера мне было достаточно любоваться вами.

– А сегодня?

– Захотел узнать ваше имя.

– Почему?

– Потому что, открыв утром глаза, я вспомнил вас, – ответил мужчина, и Беатрис показалось, что его рука стала теплее. – А в следующий миг испугался, что вчера вы оказались в кафе случайно. Что вы приехали из Лиона или Тулузы, полюбовались на собор, а сегодня отправились на поиски иных достопримечательностей.

– Я не похожа на парижанку?

– Вы настоящая парижанка, Беатрис, но я говорю о своем страхе, а страх иррационален. Я испугался никогда не увидеть вас, примчался к открытию и стал ждать. Как робкий студент, познавший первую любовь. Вы разожгли во мне забытые чувства, Беатрис, и я вдруг понял, что они могут сделать меня счастливым.

Это было так необычно и так по-парижски: влюбленность с первого взгляда, томление и признание. Красиво, словно из книги. Или так, словно кто-то захотел прожить свою жизнь, как книгу.

– Не ожидала такой искренности, – пробормотала Беатрис, не зная, что сказать.

На душе – полное смятение, все кажется сном, главой из книги, романтическим сонетом, но мужчина напротив – вот он, живой, настоящий. И настолько сильный, что взглядом освободил соседний столик.

– Я никогда не стану вам лгать, – мягко произнес Орк.

– Ваши слова похожи на признание, – выдавила из себя девушка.

– Уверен, вы слышали их немало.

– Но впервые от незнакомца.

– Вы знаете мое имя.

– И только.

– Что нужно еще?

– Чем я вас привлекла?

– Вы красивы. Романтичны. Когда вы задумываетесь, то начинаете хмуриться. Вы знаете эту книгу наизусть, но продолжаете носить с собой – вам приятно к ней прикасаться, перелистывать страницы, видеть знакомые строки напечатанными... А мне нравится смотреть на вас.

– Мне кажется, вы сошли со страниц старого романа, – рискнула признаться девушка.

– Пусть так, – согласился Орк. – Неужели вы смущены?

– Немного непривычно, – не стала скрывать Беатрис. – И вы по-прежнему незнакомец.

– Это легко исправить.

– И вы торопитесь.

А вот на этот раз Орк замолчал надолго. И в его глазах появилась грусть.

– Я не ошиблась? – едва слышно спросила Беатрис. Не зная, какой ответ ей по душе.

– Вы действительно проникательны, – в тон девушке сказал Орк.

– Вы дважды посмотрели на часы.

– Я должен покинуть Париж.

– Уезжаете навсегда?

И только сейчас Беатрис поняла, что ее ладонь все еще накрыта рукой мужчины, что она чувствует его тепло, а сейчас, после вопроса – легкую дрожь.

– Мне было нужно уехать навсегда, – медленно ответил Орк, глядя девушке в глаза. – Но теперь я принял твердое решение вернуться.

A2 archive ground control¹⁰

Женщина была настолько худа и носата, что напоминала клевец, било которого зачем-то украсили smartverge в дешевой пластиковой оправе. Очки сливались с ее вьющимися черными волосами и черными же глазами, маленькими, унылыми, смотрящими безо всякой приветливости.

Смотрящими устало...

Усталость показала A2 главным словом в описании женщины: очкастый клевец с кудрявыми волосами служил олицетворением усталости. Усталости от всего: от очередного длинного дня, ничем не отличного от вереницы тех, что уже случились, и тех, которые остались; от гомонящих посетителей – сколько тысяч их сидело в этом зале и сколько еще придет; усталости от шума окружающей жизни и от самой жизни, в которой ничего не происходит и ничего не радует. И даже яркие краски, изредка раскрашивающие повседневность, оказывались карнавальной мишурой, счастьем если не фальшивым, то недолгим и не имеющим смысла.

А бывает ли смысл у счастья?

Или оно само – смысл?

И цель...

Простая, очень понятная, но труднодостижимая цель превращения тоскливой повседневности в настоящую жизнь, наполненную светом, радостью, надеждой и нетерпеливым ожиданием завтрашнего дня. Жизнь без неприветливых глаз, опущенных уголков губ и переходящей в боль усталости.

– Мы слишком шумные, – задумчиво произнес A2.

– Здесь ее рабочее место, – не согласился сидящий справа мужчина. – Она привыкла.

– Она устала.

– Не думаю, – качнул головой мужчина. – Не больше, чем все мы.

– Почему?

Они сидели за стойкой бара: A2, перед которым стояла кружка пива, и незнакомец, только что прикончивший третий шот виски. A2 в костюме, незнакомец в короткой кожаной куртке, но пару секунд назад он ее снял, оставшись в черной футболке, плотно облегающей мускулистый торс. Очень мускулистый: как завистливо отметил A2, незнакомец явно дружил со спортом.

Они сидели рядом давно, но до сих пор молчали, и даже заговорив, не повернулись, предпочитая смотреть друг на друга через барное зеркало. Лицо A2 помещалось между бутылками «Бима» и «Дэнни», а незнакомец расположился между «Дэнни» и голубым «Уокером».

– Она очень устала, – вернулся к теме A2.

– Бар работает с семи вечера до трех ночи, потом она наводит чистоту, идет домой и может оказаться в постели около четырех, – размеренно произнес незнакомец. – Прибавь восемь часов – получишь двенадцать, ей нужно встать в полдень, чтобы нормально отдохнуть.

– Может, она работает где-то еще.

– Не думаю, – снова качнул головой мужчина, в точности повторив и ответ, и жест.

– Почему?

– Она ни разу не ошиблась с заказами, и у нее не дрожат руки, значит, она спит. Место здесь бойкое, бар пользуется популярностью, посетителей много, чаевых тоже, получается, она нормально зарабатывает.

¹⁰ Присутствие опытного человека при употреблении галлюциногенов (сленг.).

- Может, ей нужно больше денег, – предположил А2.
- Не думаю.
- Почему?

Алекс Аккерман недолюбливал упертых мужчин, убежденных, что есть лишь два мнения – их и неправильное, недолюбливал случайные знакомства в барах, но не стал прерывать внезапно начавшийся разговор. Наверное, потому, что сейчас ему нужно было хоть с кем-нибудь поговорить. Пусть даже о худой официантке с дешевым smartverre, похожей на уставший от жизни клевец.

- Она одинока, – сообщил незнакомец.
- Откуда вы знаете?

– Я часто хожу в этот бар и ни разу не видел, чтобы она с кем-нибудь говорила по сети. Ей никто не звонит.

– Ерунда, – попытался протестовать А2. – Может, ей запрещают выходить в сеть во время работы.

Однако следующий факт оказался «железным»:

- И я хорошо знаком с барменом, – хмыкнул мужчина.

– То есть вы точно знаете, почему она такая грустная, – понял Алекс. – Так нечестно, вы обладали инсайдерской информацией.

Но мужчина не обратил на его слова внимания и ровным голосом продолжил:

- Она игроманка. Работа отвлекает ее от мира, который она считает идеальным.
- Ей повезло, – обронил А2.
- В смысле?

Аккерман с удовольствием отметил, что ему удалось удивить упертого собеседника, и поздравил себя с маленькой победой. После чего объяснил:

- Существует место, в котором она счастлива.

– А... – незнакомец помолчал. После чего едва заметно пожал плечами: – Таких людей много, и мест хватает, но я им не завидую.

- Потому что счастье игромана не имеет отношения к реальности?
- Потому что им не к чему больше стремиться, они достигли потолка.
- Разве счастье – это потолок? – удивился А2.

Ответ мужчины прозвучал так твердо, словно слова были высечены в камне.

– Счастье познания вечно, – произнес он, разглядывая бутылки. – Счастье созидания вечно. Жизнь – это вечное обновление, а если ты нашел уютный уголок и замер в нем, как суслик в норке, то чем ты отличаешься от мертвого суслика?

– Все хотят найти свой уютный уголок, – попытался спорить Аккерман, но получил в ответ безапелляционное:

– Потому что все мы в конечном счете умираем. Смерть – неотъемлемая часть жизни, и мы подсознательно стремимся к ней.

- Зачем?!

– Чтобы не было так страшно, когда она действительно придет. – Мужчина поднял шот. – Твое здоровье!

И залпом выпил.

- Я вас не понимаю, – признался А2.

– Или боишься понять, – широко улыбнулся незнакомец. А поскольку бармен выставил перед ним следующую порцию, кому предназначалась улыбка, осталось невыясненным.

– Вы обсуждали только официантку? – нарочито небрежно поинтересовался А2, дождавшись, когда бармен отойдет.

– Мы изредка сплетничаем о постоянных посетителях, – не стал отнекиваться любитель виски.

– И обо мне?

– О тебе мало, потому что ты странный, но в целом безобидный. Иногда говоришь вслух, но, как правило, плетешь такую заумь, что тебя давно перестали подслушивать. Два раза твои счета оплачивали добрые посетители, а ты этого не замечал. Но никто не обиделся, потому что ты давно стал частью здешнего пейзажа. Ты вписался в этот бар, А2, что удается не всем... Тебя ценят за странность, которой нет и быть не может у местной публики. И мне интересно: ты такой же в сети? Я имею в виду – в социальной сети? Твой аккаунт такой же странный?

«Аккаунт? – Аккерман вдруг понял, что совершенно не помнит, что пишет в своем аккаунте. – Он у меня есть?»

Конечно, есть, в современном мире его не может не быть, ведь иначе о тебе никто никогда не узнает и ты не будешь счастлив, но...

«Что написано в моем аккаунте?!»

А2 понял, что не знает, как он выглядит в сети, и угрюмо отозвался:

– Почему я должен быть другим?

– В сети многие пытаются казаться другими, – неожиданно мягко ответил незнакомец.

– Я не отношусь к большинству.

– Это очевидно.

Но лесть не подействовала.

– А вы? – продолжил напирать Алекс. – Вы из большинства?

Вместо ответа незнакомец снял smartverge и подвинул его по стойке к А2.

– Если бы ты разбирался, то обязательно понял, что в очках работает устройство динамического смещения локального изображения. Грубо говоря, генератор помех, который мешает системе распознавания меня идентифицировать. Это очень дорогое и тонкое устройство, оно не просто прячет меня за искусственными помехами, но маскирует их под случайный сбой. Если полицейский или агент GS узнает, что в smartverge есть это устройство, я получу шесть месяцев ареста и навсегда окажусь в списке неблагонадежных.

– Зачем вы мне это рассказали? – поинтересовался Аккерман, не рискуя даже прикасаться к опасному гаджету.

– Ты спросил – я ответил, – незнакомец вновь пожал мощными плечами. – Я из большинства, потому что большинство мечтает обмануть систему. Но решаются не все, поэтому я из меньшинства. Но меньшинства, как правило, владеют системой, и здесь кроется противоречие.

– Какие меньшинства? – окончательно растерялся Алекс.

– Любые, – рассмеялся незнакомец. – Большинство просто живет и старается добиться счастья, а меньшинство старается о себе заявить, потому что боится исчезнуть. Это нормально и объяснимо. Меньшинство захватывает власть, чтобы получить преференции и гарантировать себе защиту от исчезновения. Увидев перекося в распределении ресурсов, люди из большинства начинают перетекать в победившее меньшинство, оно становится большинством и замирает, думая, что теперь точно не исчезнет. Система некоторое время пребывает в относительном равновесии, но затем появляется следующее меньшинство и все начинается заново.

– Зачем?

– Имитация обновления, – объяснил незнакомец. – Ты ведь наверняка догадываешься, что жизнь – это вечное движение, нет движения – нет жизни, а имитация вполне справляется с поддержанием жизни в трупe общества.

– Но зачем?!

– Затем, что это в интересах настоящего правящего меньшинства, того, которое никогда не станет большинством.

– Вы говорите о мировом правительстве? – поинтересовался А2, наконец сообразивший, что встретил сумасшедшего.

– Давай лучше выпьем, – рассмеялся тот и ловко опрокинул очередной шот.

Бармен радостно исполнил свой долг, подогнав следующую рюмку, Аккерман хлебнул безалкогольного пива и продолжил:

– Как получилось, что вы начали обманывать систему?

– Я немного странный, – не стал скрывать очевидное незнакомец.

– В чем это выражается?

– В нестабильности восприятия мира и своего позиционирования в нем. Сейчас, к примеру, мне хочется кого-нибудь убить.

– Плохое настроение?

– Почему плохое? – удивился незнакомец.

– Мы похожи: мне тоже иногда хочется кого-нибудь убить, – признался после короткой паузы А2. – Но только когда у меня плохое настроение.

Несколько секунд мускулистый сосед удивленно смотрел то на Алекса, то на кружку с безалкогольным пивом, после чего поинтересовался:

– Почему ты решил, что мы похожи?

– Действительно... – Аккерман покраснел. – Извините.

И почти решился заказать обычного пива. Кружку. Или стакан... для начала. Но передумал. А незнакомец похлопал его по плечу и дружелюбно сообщил:

– Это распространенная ошибка: всех мерить по себе. Но похожих людей мало.

– То есть вы убиваете, когда у вас хорошее настроение? – попытался пошутить А2, но не был понят.

– Желание убить вообще никак не связано с настроением, – свободно объяснил незнакомец. – Просто иногда накатывает.

– И в такие моменты вам все равно, кого убивать?

– Да.

– И вы убивали?

– Да.

– И смогли бы убить меня?

– Откуда такие печальные мысли? Мы ведь только встретились.

– Дело в том... – А2 покрутил пивную кружку, обнаружил исчезновение пены, жестом велел бармену заменить ее, и когда тот исполнил, негромко ответил: – Дело в том, что меня хотят убить.

– Кто? – спросил незнакомец почему-то очень деловым тоном.

– Вас правда это интересует? – Аккерману было приятно, что хоть кому-то, кроме доктора Каплан, небезразлична его участь.

– Я любознателен.

– Любознательность мне не поможет.

– Хорошо, – беззаботно произнес собеседник. – Тогда напомню, что мне все равно, кого убивать, а значит, я могу избавить тебя от проблемы.

Фраза прозвучала легко, как будто в шутку, но при этом настолько уверенно, что А2 не удержался от изумленного восклицания:

– Серьезно?!

– Почему нет?

– Сколько мне это будет стоить?

– Нисколько.

– Потому что вы маньяк?

Незнакомец сделал вид, что вопрос поставил его в тупик:

– Маньяк?

– Если вам все равно кого убивать.

– Пару минут назад ты признался, что иногда испытываешь желание убивать, – напомнил собеседник смутившемуся А2. – Ты маньяк?

– Но ведь я так никого и не убил.

– В чем разница между желанием и действием?

– В действии.

– То есть если у меня хватило духу исполнить свое желание, то я – маньяк? А если у тебя не хватило, то ты – тряпка.

– Я – законопослушный гражданин, – возмутился Алекс.

Однако прервать и даже перебить незнакомца он не сумел.

– А тот, кто хочет тебя убить? Он маньяк?

– Он тоже законопослушный гражданин, – со вздохом ответил А2. – И хочет меня убить на законных основаниях.

– Кажется, я немного запутался, – произнес незнакомец после короткой паузы. – Уточни, пожалуйста, что происходит? И почему сумасшедшим тут называют меня?

– Мною заинтересовался институт Права и Толерантности.

– Сочувствую, – искренне сказал мускулистый.

– Теперь я сам себе сочувствую, – уныло ответил Алекс. – Я сначала решил, что они ошиблись, но на встрече выяснил, что у них есть основания для работы надо мной.

– Какое несчастье у тебя выискали?

– Говорят, внутри меня прячется маленькая напуганная девочка.

К огромному изумлению А2, заявление незнакомца насмешило.

Нет, сначала мускулистый во все глаза вытаращился на собеседника, а когда понял, что Аккерман не шутит, откинулся назад и расхохотался. После чего извинился и кивнул на столики:

– Посмотри на этих бездельников, А2, у половины, если не больше, внутри прячется маленькая напуганная девочка. Доказать? – и повернулся к бармену: – Джо, дай мне биты...

Алекс понял, что мускулистый собрался затеять драку с первым попавшимся посетителем, и поскольку не знал, как его остановить, обреченно произнес:

– Их девочек никто не трогает, а мою попытаются спасти.

И его неподдельная тоска заставила незнакомца остановиться, сделать бармену знак, что веселье откладывается, и стать предельно серьезным.

– Каким образом? – холодно поинтересовался он, начиная сворачивать самокрутку.

– Напичкают меня таблетками, введут в гипноз, влезут в голову и переформатируют мозги в другой гендер, – ответил Алекс. – Потом отдадут хирургам и отпилят все, что сочтут нужным... Точнее – ненужным.

– Зачем?

– Чтобы я стал счастлив.

Незнакомец помолчал, затем раскурил самокрутку – к удивлению А2, он курил настоящий табак, и осторожно поинтересовался:

– А ты действительно не девочка?

– Что вы имеете в виду? – Аккерман был так ошарашен, что даже не возмутился.

– Ну, я слышал, что некоторым мужикам комфортнее ощущать себя женщинами, и наоборот, – медленно ответил мускулистый. – Вдруг ребята из института пытаются оказать тебе услугу?

Долго, почти минуту, А2 прислушивался к себе, пытаясь понять, как ему комфортнее, затем покачал головой:

– Мне нравится быть мужчиной, особенно с женщинами.

– Уверен?

– Какая теперь разница?

– Ты только что назвал меня маньяком, – напомнил незнакомец, выпуская клуб дыма в сторону бутылок виски.

Странно, что ему никто не сделал замечание.

– Вы убьете моего лечащего врача? – А2 на мгновение воспрянул духом, но затем его плечи поникли. – Не поможет. Доктора Каплана сменит другой врач, и меня все равно сделают девочкой.

– Я умею не только убивать, – загадочно сообщил мускулистый.

– Правда?

– Как тебя зовут?

– Вы ведь знаете?

– Я знаю только А2 – так ты представился бармену.

– Алекс Аккерман, – А2 протянул руку, но она повисла в воздухе.

– Это не твое имя, – поморщился мускулистый.

– Вы слишком проницательны для человека из бара, – обиженно ответил Алекс, пряча руку под стойку.

– Проницательность не является признаком ума, образования или положения в обществе, – назидательно произнес незнакомец. – Только опыт. И в том числе – опыт пребывания в барах. Простые работяги могут быть очень проницательными, А2.

– Вы из простых работяг? – удивился Аккерман.

– Я разделявал рыбу в холодном цеху Северного моря, чистил канализацию в трущобах Варшавы, а по вечерам нацисты избивали меня за то, что я не говорю по-польски, я служил охранником в арабском борделе Бирмингема и сидел в концлагере для воронежских сепаратистов. Да, А2, я из простых работяг, проще не бывает.

– Это все правда? – поперхнулся Алекс.

– И не только это.

– Как вас зовут?

– Бенджамин Орсон. – Однако руку мускулистый не протянул. Вместо этого он бросил в бокал Аккермана бычок и махнул очередной шот. – Но друзьям я позволяю называть себя Орком.

– Почему?

– Потому что я и есть он, – объяснил Орсон, и в его глазах вспыхнули огоньки. То ли безумного веселья, то ли веселого безумия. – И все мои друзья – тоже. Мы – орки, которые вышли из грязи, но не увидели за ее пределами ничего, кроме другой грязи. Мы – орки, мир стоит на наших костях, и мы пришли за своей долей.

– Вам нужно золото?

– Оркам? – Бенджамин громко рассмеялся. – Нет, А2, золото нужно жирным. А мы возьмем свою долю кровью.

И замолчал, испытующе глядя на Аккермана. Тот облизнул губы, посмотрел на остатки самокрутки, воняющие из его бокала с безалкогольным пивом, робким жестом поправил smartverre и признался:

– Знаете, господин Орсон, вы меня пугаете.

– А вот ты мне понравился, А2, – не стал скрывать Орк и хлопнул его по плечу так, что Алекса швырнуло на стойку. – Ты мне пришелся по душе.

NY City, Midtown West

Грохот.

Жуткий, страшный, неожиданный грохот, разорвавший реальность сначала объемным звуком, а затем – глубоким страхом. Мозг еще не понял, что случился взрыв, даже вышколенные, вырезанные скальпелем рефлексy не сработали – а страх уже накрыл с головой. А сле-

дом, сразу – ударная волна. Врезала наотмашь, с безжалостностью профессионального боксера, подбросила в воздух, швырнула на стену, сдавила так, что стало невозможно дышать, кричать, стонать, плакать, и показалось, что это и есть смерть.

И...

Карифа закричала.

Не от страха, а чтобы понять, что жива.

Закричала, когда накрыло с головой, когда взрыв смешал эмоции и чувства в пожирающий самого себя клубок обнаженных нервов, когда показалось, что выбраться невозможно и гроб уже завален землей. Закричала и поняла, что чудовищный взрыв доставил ей невыносимое удовольствие и трясет ее не от страха. Поняла, что на пике наслаждения она лишилась сознания и клубок спутанных чувств зачем-то подменил одни эмоции другими.

Смешал любовь со смертью, врезав восхитительную сладость в жуткие воспоминания.

Карифа открыла глаза и увидела себя на кухонном столе... нет – ощутила себя на кухонном столе, голой, с бесстыдно раздвинутыми ногами и до сих пор вздрагивающей всем телом от продолжающих накатывать волн удовольствия. Увидела мужчину, доведшего ее до исступления. Почувствовала его в себе... и губы дернулись: то ли в недоулыбке, то ли в недогримасе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.